

научное издание
о состоянии, развитии
и критике СМИ
в России и за рубежом

факультет журналистики
московского государственного университета им. м.в. ломоносова

МЕДИ@ЛЬМАНАХ

250-летие
Московского
государственного
университета
им. М.В. Ломоносова

- традиции
- «студенческие вольнодумства»
- газеты и цензоры
- питомцы
- история

2005
№ 1
[08]

факультет журналистики
московского государственного университета
им. м.в. ломоносова

МЕДИА

альманах

2005
№ 1
[08]

Главный редактор
Шеф-редактор

Я. Н. Засурский
Е. Л. Вартанова

Научный совет

М. И. Алексеева
Н. А. Богомолов
В. М. Горохов
Б. И. Есин
Г. В. Кузнецов
И. В. Кузнецов
Э. А. Лазаревич
Е. П. Прохоров
С. В. Светлана-Толстая
Г. Я. Солганик
М. В. Шкондин

Издатель — факультет журналистики
МГУ им. М.В.Ломоносова

Издание печатается по решению Ученого совета
факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова
при содействии кафедры ЮНЕСКО
по журналистике и коммуникациям.

© Меди@льманах

Все права защищены.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением
редакции.

Журнал зарегистрирован в Центральном
территориальном
управлении Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИИ1 - 00926 от 17
декабря 2002 г.
Соучредители: Вартанова Е.Л., Минаева О.Д.

Контактная информация:

125009, г. Москва, Моховая ул., д.9.
тел. (095) 203-6540, комн. 107,
E-mail: xelena@journ.msu.ru

Содержание

ACADEMIA

«МГУ готовит первооткрывателей и создателей» 6
Я.И. Засурский

М.В. Ломоносов в памяти и традиции Московского университета 10
Б.И. Есин

Elisaveticus Universitetas

рубрику подготовил Олег Бакулин

«Студенческие истории» Московского университета:
об истоках вольнодумства XIX века 14

Студенты МГУ и власть: к истории инакомыслия XX века 21

«Gaudeamus igitur» 28

СМИ ОТЕЧЕСТВА

«Нечаянный» конфликт: Н.И. Новиков и Комиссия народных училищ. 34
Антон Бакунцев

М.М. Херасков: Штрихи к портрету первого цензора
Московского университета 39
Олег Бакулин

А.П. Чехов и А.С. Суворин. Искренняя дружба или личная выгода? 44
Ольга Бойчук

Газеты из коллекции С.Д. Полторацкого. 52
Светлана Лебедева

Первый номер первой газеты Императорского Московского университета 55
Ольга Минаева, Олег Бакулин

ЗНАНИЕ — СИЛА

Об истории университетских зданий 66
Ольга Минаева

Евграф Тюрин – архитектор «нового» Аудиторного корпуса
Московского университета 74
Софья Тюрина-Митрохина

Abstracts 78

Content

ACADEMIA

Moscow University Educates Creators and Inventors	6
<i>Yassen N. Zassoursky</i>	
M.V. Lomonosov in the Tradition of the Moscow State University	10
<i>Boris Yesin</i>	

Elisaveticus Universitetas

Section prepared by Oleg Bakoulin

“Students’ stories” of the Moscow University: Origins of the XIXth Century Free-thinking	14
Students of the Moscow University and Authorities: on the History of the XXth Century Dissidence	21
«Gaudeamus igitur»	28

MASS MEDIA IN RUSSIA

Unexpected Conflict. Nikolay Novikov and Commission of Public Colleges.	34
<i>Anton Bakountsev</i>	
M.M. Kheraskov: Some Features of the First Censor of the Moscow University	39
<i>Oleg Bakoulin</i>	
Chekhov and Suvorin. Sincere Friendship or Personal Benefit?	44
<i>Olga Boychuk</i>	
Newspapers from S.D. Poltoratskiy’s collection as kept by the Scientific library of the Moscow State University	52
<i>Svetlana Lebedeva</i>	
The First Issue of the First Newspaper Published by the Imperial Moscow University	55
<i>Olga Minaeva, Oleg Bakoulin</i>	

POWER OF KNOWLEDGE

On the History of University’s Buildings.....	66
<i>Olga Minaeva</i>	
Evgraph Tyurin, the Architect of the New Auditoria Building of the Moscow University	74
<i>Sofia Tyurina-Mitrokhina</i>	

Abstracts	78
-----------------	----

Editorial

Современная история России дает мало примеров для национальной гордости. Единственно правильным считается мнение, что весь путь развития страны состоит из ошибок и разочарований. Но есть событие, которое даже скептикам трудно опорочить. 250 лет назад русская императрица Елизавета Петровна подписала указ об основании университета в Москве.

Окруженная фаворитами и царедворцами, упрекаемая современниками и историками в легкомыслии, она проявила достаточно государственной мудрости, чтобы одним только росчерком пера поставить Россию в ряд самых прогрессивных и развитых государств мира.

Четверть тысячелетия - сравнительно небольшой период по отношению к возрасту многих старейших университетов Европы. Но за это время Московский университет совершил гигантский скачок, став одним из оплотов фундаментального знания, образования и даже одной из основ европейской цивилизации на просторах России.

Из Университетов всегда и везде вырастали науки, искусства, культура. Университеты выращивали гениев и просто нормальных людей. Они сохраняли и концентрировали знания, продвигали прогресс. Не случайно, многие мыслители относят университеты к чудесам света.

История Московского университета - это история отдельной нации и история всей цивилизации. Развитие Императорского Московского университета - это не только развитие России, со всеми ее подъемами и спадами, но это и развитие мировой науки - с ее вечным стремлением вперед. На базе Московского университета сформировалась современная российская словесность, естествознание и философия, зародились и окрепли основные научные школы. Более того, Московский университет породил лучшие российские библиотеки и музеи. В конце концов, он стал колыбелью российской прессы. Словом, все институты современного общества, которые брали начало в деятельности мировых центров мысли - университетов, в России вышли из МГУ.

Alma mater российского общества и российской науки сегодня - на пороге новых свершений. Но идти в будущее первому российскому университету и проще, и сложнее, чем другим. Проще потому, что он остается среди немногих, всеми признаваемых национальных ценностей. А сложнее потому, что общественные ожидания, с ним связанные, чрезвычайно высоки.

Мы верим в будущее университета потому, что мы верим в себя.

*Шеф-редактор
Е. Вартанова*

ACADEMIA

**6 • «МГУ готовит
первооткрывателей и
созидателей»**

**10 • М.В. Ломоносов в памяти
и традиции Московского
университета**

«МГУ готовит первооткрывателей и создателей»

*Декан факультета журналистики МГУ
профессор Я.Н. Засурский*

В интервью обсуждается роль молодых ученых в деятельности МГУ им. М.В. Ломоносова, рассматривается значение фундаментальной науки для развития высшего образования, а также положительный опыт, накопленный в системе среднего образования в России.

Ключевые слова: МГУ им. М.В. Ломоносова, молодой ученый, фундаментальная наука, факультет

В античности и Средние века университеты обладали значительной интеллектуальной независимостью. Как обстоят дела в наши дни?

Интеллектуальная независимость МГУ очень велика. Хотя наш университет входит в систему государственного образования и получает поддержку из государственного бюджета, он обладает значительной автономией и сам определяет план курсов и набор профессий. После 1991 г. эта концепция укреплялась и развивалась. В университете сейчас существуют достаточно интересная атмосфера, в которой в дискуссиях и обсуждениях сталкиваются разные точки зрения, и можно считать, что эта традиция у нас развивается.

Какова роль молодых ученых в МГУ?

У нас очень много ученых старшего возраста, тех, кто продолжает работать в должности заведующих кафедрами, профессорами. Связанно это с тем, что, во-первых, у нас ра-

ботаю очень хорошие специалисты этого поколения, а, во вторых, с тем, что было трудно в течение определенного времени привлечь к себе талантливых людей из-за материальных проблем. Сейчас МГУ им. М.В. Ломоносова ежегодно присуждает 100 стипендий молодым ученым — кандидатам наук, которые получают 5–6 тыс. рублей ежемесячно, что дает им возможность существовать без излишне большой дополнительной нагрузки. Есть специальные программы поддержки молодых докторов, которые получают звание профессора до пятидесяти лет, и в этом отношении в университете делается многое для того, что бы молодежь пришла в науку, чтобы она имела возможность жить за счет работы в университете с минимальной подработкой. Наличие у нас платных студентов также дает возможность доплачивать и как-то компенсировать материальные тяготы. Все это способствует тому, что у нас появляется сегодня много молодых и талантливых людей. Я думаю, что политика нашего университета — поддерживать молодые таланты, очень продуктивна. У нас есть специальные премии для молодых ученых имени одного из основателей нашего университета Ивана Ивановича Шувалова и, конечно, издательские возможности тоже используются. Я думаю, что молодые ученые МГУ чувствуют себя достаточно комфортно и ощущают поддержку настолько, насколько это возможно в современных условиях. Университет сейчас умело стремится к тому, чтобы привлекать молодых, и опытных специалистов, развивая новые направления и новые факультеты — факультет искусств, факультет новых материалов, а также много других инновационных проектов, появление которых говорит, что МГУ не просто растет, но и осваивает новые научные территории.

Каким Вы видите молодого ученого Московского университета?

Я вижу его человеком, который пришел в университет для того, чтобы заниматься

наукой, и ради этого готов несколько поступиться своими, материальными интересами. И я отметил бы широкую и разнообразную эрудицию молодых ученых, их включенность в мировые процессы, мировую науку. Этому способствует и хорошее знание языков, как правило, характерное для молодых ученых. Молодые ученые стремятся обратиться к новым отраслям науки. Например, у нас создана новая кафедра «Теории и экономики СМИ». Новые факультеты и кафедры стремятся увидеть развитие процессов, в данном случае, гуманитарных, в контексте современного информационного общества и в этом смысле они отличаются, с одной стороны, концентрированностью своего научного интереса, и в то же время его включенностью в более широкие процессы.

Как Вы сами пришли в Университет?

Я учился в Ин-язе и стоял перед выбором — заниматься там лингвистикой или литературоведением в МГУ. Для поступления в аспирантуру я написал два реферата. Один был посвящен синтаксическим функциям инфинитива в английском и русском языках, а другой реферат я написал по творчеству Т. Драйзера. Оба реферата были приняты и меня приняли одновременно в две аспирантуры. Я предпочел университет, поскольку так можно было заниматься и английским языком, и литературой. Так я поступил в аспирантуру, занимался американской литературой, потом работал в издательстве, и все это привело к тому, что я начал читать лекции по зарубежной журналистике. Так я оказался на факультете журналистике. Я до сих пор занимаюсь, прежде всего, журналистикой и американской литературой и в каком-то смысле я занимаюсь и общефилологическими проблемами.

Какие традиции МГУ Вы хотели бы сохранить в будущей жизни университета?

Я считаю, что в МГУ есть замечательная традиция фундаментальности исследова-

ний. Стремление даже частную проблему рассматривать в контексте широких и глубоких процессов, которые происходят в той или иной отрасли. В университете нет «мелкотемья» и даже небольшая проблема всегда оказывается связанной с более глубокими и фундаментальными проблемами. Это фундаментальность университетского образования мне кажется важной и продуктивной, и она позволяет при современном обилии информации, которая все время увеличивается в объемах, сохранить основную линию мышления, которая необходима для того, чтобы достигнуть достаточно высокого уровня анализа и обобщения.

Сближение наук, междисциплинарность — одно из ключевых направлений научного развития. Что в этой связи для Вас особенно важно в деятельности МГУ?

Важно то, что мы имеем возможность пригласить для изучения проблем современной журналистики современных процессов, происходящих в отношениях между печатью, радио, телевидением и аудиторией, разных специалистов — психологов, лингвистов, историков, социологов. В результате, мы можем создать комплексную картину развития современной системы массовой информации и лучше определить особенности аудитории и интересы, ее запросы, увидеть реальные возможности печати, радио и телевидения, других средств массовой информации в обслуживании интересов нашего общества и в решении тех проблем, которые сегодня всех очень волнуют.

Какой Вы видите систему высшего образования в завтрашней России?

Я думаю, что эта система должна развивать традиции русской университетской и школьной системы. Она основывается на достаточно разностороннем среднем образовании, которое не всегда сводится к специализации, но специализацию допус-

кает. У нас есть средние школы с языковым уклоном, средние школы с математическим уклоном, с уклоном в искусство, но при этом сохраняется достаточно высокая планка общего образования, которая позволяет после окончания средней школы быть и достаточно широко образованным, и подготовленным к обучению в университете. Мне кажется, что эта система среднего образования очень важна, и она нуждается в поддержке.

В последнее время в средней школе появляется много дополнительных предметов, что, на мой взгляд, не всегда оправдано. Введение этих предметов часто идет за счет сокращения традиционно важных дисциплин. В частности, мне представляется сегодня ошибочным стремление сократить «часы» на русскую литературу. Дело в том, что мы не можем отказаться от своей традиции в развитии культуры. Для России очень важна литература и, если вы спросите о том, что знают о России в любой стране мира, вам скажут: «О, это страна Достоевского, Толстого, Чехова, Тургенева, Солженицына». Для России литература — это больше, чем литература; это часть того национального сознания и национального менталитета, которая делает русского человека русским. Поэтому мне кажется, что крайне необходимо не только сохранить, но и увеличить отводимое на изучение литературы время.

Конечно, нужен более сбалансированный и более объективный курс истории России, без всякого рода конъюнктурных отклонений. Я думаю, что необходимо улучшить знания иностранных языков. Это всегда было традицией России — знание языков, интерес к мировой культуре. Конечно, необходимо знание минимума, хотя и очень серьезного минимума, естественных дисциплин — математики, физики, химии, биологии. В этом смысле наше среднее образование было сбалансированным, а выпускник средней школы чувствовал себя образованным человеком. Мне кажется, что это качество старой гимназии, которое было воспринято и советской

школой, следует сохранять и развивать и не следует пытаться сделать из школы ремесленное училище в ущерб интеллектуальному развитию школьников.

В высшей школе также существует богатая традиция, которая рассматривает конкретные проблемы естественных наук, — техники, инженерного дела в контексте достаточно глубокого понимания законов физики, химии и хорошего знания математики, и эта фундаментальность дает особую ценность русским специалистам, которую признают во всем мире. Наши программисты, физики, и филологи отличаются сочетанием специального образования с широкими представлениями о других направлениях естественных наук.

Какова в системе высшего образования роль университетов?

Сейчас пытаются университет уравнивать с другими высшими учебными заведениями.

Это неправильно. Есть высшие учебные заведения, которые готовят достаточно узких специалистов, например, Институт инженеров гражданской авиации готовит специалистов высоко класса, но они нацелены на работу в определенной, достаточно узкой сфере. Университет же отличается тем, что он идет не по пути обучению одной прикладной дисциплине. Он замечателен тем, что учит людей учиться и создавать новые научные ценности. Это люди ищущие и способные найти новое, потому что они достаточно хорошо подготовлены и знают то, что было сделано их предшественниками, они в состоянии двигать мысль дальше. Университет этим и отличается от учреждений, которые готовят просто специалистов для данной области. Традиционный классический Университет готовит первооткрывателей и создателей.

Интервью провел Олег Бакулин

*** Факультет журналистики — 250-летию Московского университета ***

В канун 250 – летия МГУ им. М.В. Ломоносова факультетом журналистики МГУ организована выставка «Московский университет – колыбель Российской журналистики», которая будет проводиться в период с 13 января по 13 февраля 2005 г. в здании ИСАА (ул. Моховая, 11). Издан красочный каталог выставки.

В день журналиста, 13 января 2005 года, в Большом зале консерватории пройдет вечер, посвященный юбилею МГУ, в котором примут участие известные ученые, журналисты и общественные деятели.

Готовится к изданию юбилейный выпуск факультетского

журнала «Меди@льманах», журналы «Вестник Московского университета (серия «Журналистика»), А также «Журналистика и культура русской речи». В канун юбилея вышла книга Б.И. Есина «Ректоры Императорского московского университета и русская журналистика. 1755– 1917» и юбилейный выпуск «Московских ведомостей», посвященный истории университета. К юбилею Московского университета были приурочены проводившиеся в 2004 году дни встречи выпускников. Организовано проведение «круглого стола» «МГУ и российские СМИ» с приглаше-

нием выдающихся журналистов — выпускников факультета.

Факультет журналистики участвует в организации выставки в Государственном историческом музее, посвященной 250 — летию МГУ, которая будет проводиться в период с 18 января по 18 апреля 2005 г., а также в создании юбилейной экспозиции, открывающейся 25 января 2005 г. в фундаментальной библиотеке МГУ на Воробьевых горах. Организован конкурс на лучшую студенческую публикацию и на лучший журналистский материал об МГУ. Создаются специальные рубрики на сайтах факультета.

М.В. Ломоносов в памяти и традиции Московского университета

Б.И. Есин

В статье рассматриваются работы, посвященные исследованию роли Ломоносова в области языка, ораторского искусства и языкознания.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, Московский университет, язык.

На протяжении всей истории существования Московского университета его профессора и академики не раз обращались к памяти М.В. Ломоносова, испытывая постоянную необходимость вернуться к богатому наследию, основоположника университета.

Десять лет прожил Михаил Васильевич после открытия первого в России университета. Все эти годы он жил в Петербурге, но его духовная связь с Москвой не прерывалась. Уже в 1757 г. в типографии университета начали печататься Сочинения Ломоносова. В них, в отличие от первого издания в Санкт-Петербурге, вошли не только стихотворные произведения, но и проза. Во втором томе была напечатана его «Риторика» (1759). Ученик Ломоносова Н. Поповский в первый год работы в Московском университете по наказу учителя читал курсы «Основания красноречия» и «Стиль латинского и русского языка», постоянно вместе с Барсовым пропагандируя в университете русскую речь.

Перечислим некоторые отклики Московского университета в XIX – начале XX вв. на роль и труды Ломоносова в области языка, ораторского искусства, языкознания.

1812 год. Профессор М.Т. Каченовский прочитал «Рассуждение о похвальных словах Ломоносова» под названием «Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия» («Вестник Европы», 1918, № 11; «Труды ОРЛС, 1912. ч. 1, кн. 1»). Итогом этого «рассуждения» стали слова: «Ломоносов дал образ и правильность российскому слову» («Вестник Европы», с. 52).

1826 год. На торжественном годичном акте, посвященном памяти Александра I, в день основания Московского университета 12 января (с. ст), адъютант Ив. Снегирев в своей речи подчеркнул значение восстановления Александром I Университета после войны с Наполеоном как источника «образования людей», способных к государственной службе, распространения знаний и «наипаче в совершенствовании отечественного языка».

Крестьянский сын 15-летний мальчик Борисов, еще не студент, но «ищущий покровительства у Московского университета для удовлетворения непреодолимого желания своего учиться словесности», как он охарактеризован в материалах отчета, прочитал отрывок из оды «На сей день основания университета», в котором есть такие строки:

Толкуем мысли переходы,
Идеи стали выражать,
Различные понятий роды
Душе и чувствам предъявлять.
И сердце чувствует, что тайно,
Язык то говорит нам ясно,
И как бы все животворим!
И мысли облекая в тело,
И с оного выводим дело,
И следствия его мы зрим!

О значении усовершенствования русского языка Ломоносовым для изъяснения сложных идей, понятий и чувств будут впоследствии еще не раз говорить в университетской корпорации (например, профессор С. Соловьев и многие другие).

1830 год. Профессор Д.И. Максимович произнес речь «Об участии Московского университета в просвещении России», где с благодарностью вспомнил вклад Ломоносова в создание университета: «Петр сделал все для устройства и славы России, что только мог сделать тогда гениальный человек с

державной властью; Ломоносов сделал все для просвещения России, что только можно сделать гению—гражданину»

Велика заслуга М.В. Ломоносова, по мнению Д.И. Максимовича, в создании правил и образцов в словесности. Особо отмечено, что его ученик Поповский и другие начали читать лекции на родном языке. К чести Московского университета «должно отнести то, что в нем впервые Россия услышала на родном языке своем почти все науки и приняла их вместе с живым словом... Ученик Ломоносова, учитель Фонвизина, Поповский... был первым профессором красноречия и философии в Московском университете, первый заговорил по-русски и здраво о философии, которая у нас дотоле состояла в латинских схоластических диспутах». Так же высоко оценил он и деятельность Барсова, который «занимался... разысканьями относительно языка нашего».

1834 год. Профессор И.И. Давыдов произнес речь «О содействии Московского университета успехам отечественной словесности», где он затронул вопросы грамматики Ломоносова.

1844 год. Ф.И. Буслаев в книге «О преподавании отечественного языка» вновь обратился к трудам Ломоносова. Его статья была названа весьма оригинально — «Опыты преподавания чтения од Ломоносова».

1852–1865 года были отмечены публикацией серии статей профессора Н.С. Тихонравова о Ломоносове. Это статья в «Московских ведомостях» о смирдинском издании Сочинений Ломоносова (1852), в «Москвитянине» статья-публикация «Малоизвестное произведение Ломоносова «Суд российских писем перед разумом и обычаем от грамматики представленных»».

1853 год. Появилась статья «Для биографии Ломоносова», которая вызвала отклик Галахова в «Отечественных записках». На сделанные замечания Тихонравов ответил статьей в «Москвитянине» «Возрождение» (1854 г.)

1865 год. В Москве прошло торжественное собрание в память 100-летия со дня смерти Ломоносова, где профессор Тихонравов сделал доклад «Ломоносов в истории

русского образования». С докладами-статьями выступили Ф.И. Буслаев, С.М. Соловьев и др. Доклад Буслаева назывался «Ломоносов как грамматик».

Тихонравов в своей статье «Литературная деятельность Ломоносова» отвел значительное внимание реформе языка, проведенной Ломоносовым, особо подчеркнув освобождение его от польского влияния. «Ломоносов устранил из русского языка, — пишет ученый, — варваризмы, «дикие нелепости слова».

Разрабатывая теорию поэзии и красноречия, Ломоносов опирался, указывая Тихонравов, на «Подробную риторику» Готтшеда. Вместе с тем, литературная и языковая реформа Ломоносова оказалась проникнута национальными началами. В основу литературного языка он положил московское наречие. Средоточием литературной школы Ломоносова, отмечает ученый, была Москва и особенно Московский университет. Этот же год был отмечен большой статьей профессора Перевошикова о трудах Ломоносова в области физики, публикацией статьи Ломоносова «О должности журналистов...»

1877 год. Ректор университета, профессор С.М. Соловьев произнес речь на открытии памятника Ломоносову «Воспоминание о Ломоносове», в которой затронул вопросы языка. «Но для того, чтобы народу иметь литературу, надобно иметь язык, способный для ясного и точного выражения всего мыслимого...

Русские люди в эпоху вступления своего в общую жизнь образованных народов или в так называемую эпоху преобразования, чрезвычайно расширили свою область познаний и получили сведения о множестве новых явлений и отношений между ними, но не было приготовленного для этого языка, языка народного, общепонятного. Такой язык дал русскому народу Ломоносов, он дал ему его в своих лекциях, в своих многочисленных сочинениях по различным наукам, в своих речах и стихотворениях.

С Ломоносовым русский человек начал говорить языком образованного человека, в его сочинениях он получил богатое содержание и готовую форму». (Отчеты и речи... 12 января 1877 г., с. 89–90).

И в начале XX в. память Московского университета к заслугам Ломоносова не ослабевает. В 1905 г. вышел сборник «М.В. Ломоносов. Его жизнь и сочинения» с материалами московских профессоров Я.К. Грота, М.И. Давыдова, статьями питерцев А.С. Будиловича, Н.П. Покарского, частично посвященных снова «Риторике» Ломоносова.

1911 год был юбилейным годом для Ломоносова, но торжества по поводу 200-летия ученого почему-то сместились на 1912 год. В 1912 г. в Петербурге и Москве прошли многочисленные торжественные заседания. В Москве были сделаны доклады профессорами М.К. Любавским, И.А. Каблуковым, Д.Н. Анучиным, А.П. Павловым, М.Н. Сперанским.

«Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год» опубликовал статью профессора Московского и Петербургского университетов В.И. Вернадского «1911 год в истории русской умственной культуры» и тогда же поставил вопрос о создании научного Ломоносовского института, защищая общественное значение «Ломоносовского дня».

Ректор Московского университета профессор М.К. Любавский в речи на праздновании 200-летней годовщины рождения Ломоносова «XVIII век и Ломоносов», подчеркнул исключительно раннюю одаренность Ломоносова, его успехи в науке, важную роль в основании университета. Он подчеркнул, что Ломоносов поступил в Московскую Заиконоспасскую славяно-греческую школу 19 лет, но уже через два неполных года учения, в 1734 г., на латинском языке написал учебник риторики, весьма близкий по содержанию к его же «Краткому руководству к красноречию», которое было издано в 1748 г.

М.К. Любавский большое место отвел реформе языка, подчеркивая, как и Тихонравов, что реформа языка Ломоносова способствовала освобождению его от польского влияния.

Во второй половине XX в. последовали труды академика В.В. Виноградова, профессора В.П. Вомперского, которые продолжили традицию изучения вклада М.В. Ломоносова в развитие русского языка.

Elisaveticus Universitetas

рубрику подготовил Олег Бакулин

- 14 • Студенческие истории»
Московского университета:
об истоках вольнодумства
XIX века**

- 21 • Студенты МГУ и власть:
к истории инакомыслия
XX века**

- 28 • «Gaudeamus igitur».
Современники о нравах
студентов Императорского
Московского университета
XIX века**

«Студенческие истории» Московского университета: об истоках вольнодумства XIX века

В документах, публикуемых ниже, приводятся материалы о вольнодумстве студентов Императорского Московского университета в период царствования Александра III.

Ключевые слова: Московский университет, студенчество, вольнодумство, оппозиционность, власть

Большинство представленных здесь документальных свидетельств относятся ко времени «контрреформ» императора Александра III. В это время властью подавлялось любое свободомыслие и оппозиционные настроения. Вряд ли случайным становится в этот период нашей истории столь пристальное внимание властей к настроениям потенциально наиболее взрывоопасной части общества – студентов, в особенности, к тем из них, которые учились в крупнейшем университете страны, расположенном вблизи Кремлевских стен.

В конце XIX – начале XX столетия «студенческие истории», происходившие в Императорском Московском университете, стали нередким явлением. С «вольнодумством» и даже «бунтарством» студентов, властям приходилось сталкиваться и прежде: причинами недовольства были, как правило, бытовая неустроенность учащихся, косность преподавания и произвол администрации университета. Однако на рубеже веков политическая направленность студенческих

выступлений стала все более очевидной. Реакцией наиболее активной части студенчества на усиление консервативности политического режима стали митинги и политические демонстрации, которые нередко заканчивались столкновениями с полицией. Эти события оценивались современниками по-разному. Однако тот факт, что Московский университет в это время превращается в один из центров сопротивления произволу и деспотизму власти, очевиден.

Документы приводятся с сокращениями. Язык документов сохранен.

Студенческие волнения в Московском университете в 1887 году глазами студента

«Студенческие волнения 1887 года, собственно, назревали уже с 1885 года, то есть со времени введения в Университете нового устава 1884 года. Проводником этого устава в Москве явился инспектор... Брызгалов.

<...> Соответственно требованию этого устава студенты были подчинены строго разграниченным двум властям: полицейской (инспекции) и учебной (ректор, декан, профессора). При этом особенным достижением пользовалась полицейская часть: она преследовала студентов всюду: и на дому, и на улицах, и в театрах, и в лабораториях, и в аудиториях; словом, студент не мог дышать без университетской полиции. Ближайшим полицейским начальством над студентом был педель, обычно невежественный человек. Много горя мог сделать и делал этот агент университетской полиции: от его отметок зависело все: студента карали, наказывали, не зачитывали полугодий, сажали в карцер, лишали стипендий и пособий. Для избежания этого нужно было каждому студенту вести себя подобающим – по воззрению педеля-сыщика – образом. Молодая гордость с этим, конечно, не мирилась и вот почва для недоразумений. Что касается учебной части по уставу 1884 года, то она

не могла удовлетворить студентов. Последнее постоянно чувствовали, что профессор скован какою-то детальной программой; они чувствовали, что на лекциях слышат не живую речь, а какое-то казенное прочитывание положенного.

<...> Начало студенческому движению 1887 года было положено в Москве на «студенческом» концерте 22 ноября, в зале «Благородного собрания»... В этот вечер инспектору Брызгалову публично, в концертном зале была нанесена пощечина студентом юридического факультета 3-го курса Синявским...

<...> Происшедшее на концерте быстро распространилось по Москве, студенты на следующий день уже утром знали об этом событии... На сходку... собралось человек около 300 с разных факультетов и курсов, но по преимуществу с первых трех. На Моховой быстро собралась громадная толпа любопытных, в числе которых было немало студентов. Присутствие последних в толпе любопытствующего народа, конечно, действовало неприятно на демонстрантов, и последние делали нелестные замечания по адресу любопытствующих студентов.

Сходка желала официально сделать свои заявления и послала депутацию к ректору, прося его прийти на сходку.

...Вдруг к воротам подкатила карета, из которой стремительно вышел возбужденный и раскрасневшийся попечитель округа... П. Капнист... Попечитель приказал открыть ворота и, став у них в картинную позу, повелительно потребовал от студентов расходиться; при этом назначил срок в три минуты; достал часы и отсчитывал эти три минуты; после третьей минуты вышел со сходки только один какой-то студент. Попечитель приказал закрыть ворота; немного ранее перед этим явился на сходку ректор университета профессор Иванов; студенты попросили его объяснить с ними в актовом зале, куда и направились с ректором, все время оказывая ему внимание и уважение.

Разумеется, студенты при описании положения вещей вошли в зал не раздеваясь: в пальто и калошах так же, как и ректор; его, однако, студенты предупредительно раздели уже в самой зале. Началось объяснение сходки с ректором в вполне корректной форме; ректор тоже разговаривал со студентами ласково, мягко, без повышения голоса.

Когда все собрались в залу, из среды студентов выделился студент Г. и отчетливым голосом заявил ректору приблизительно следующее: собравшиеся студенты заявляют, во-первых, что поступок студента Синявского на концерте не есть его личное дело, а дело всего московского студенчества. Далее студенты требуют отмену нового устава и возвращение устава 1863 года в полном объеме. Наконец, студенты требуют немедленного увольнения Брызгалова. На это заявление ректор стал говорить, что Брызгалов, по существу, добрый человек, и не раз ходатайствовал перед ним за многих студентов; на это ректору ответило несколько голосов, что это он ходатайствовал за своих клеверов «брызгаловцев». Ректор стал что-то еще говорить, но в этот момент взмолился на кафедру попечитель Капнист, взял ректора за плечо, сказал ему: «мы сюда пришли не для разговоров» и стал кричать на студентов, что они своим поведением (в верхней одежде и калошах в актовом зале) оскорбляют университет (крики «вы оскорбляете его, введя в него полицию»: в дверях его показались полицейские), попечитель стал кричать еще более громко, требуя тишины, когда он говорит. После такого вызова поднялся шум. В конце - концов попечитель сказал, что собравшиеся сюда студенты нарушили правила университета и до разбора дела лишаются права посещения лекций, почему и должны выдать свои входные в университет билеты; это студенты охотно сделали затем разошлись по домам.

Арестов в этот день не было вовсе... Но на следующий день из выбывших на сходке студентов человек около 30 (27) получили

приглашение явиться в правление университета. Утром вызванные отправились, но ни в этот день, ни в следующие дни уже не возвращались домой. Только на четвертый или пятый день они были выпущены из Бутырской тюрьмы для отправки в тот же день на родину.

Впоследствии оказалось, что эти 30 человек или около того были приглашены в правление на суд. Что же это был за суд? Если уже попечитель обнаружил громадный произвол, запретив участникам первой сходки посещать лекции (отбор входных билетов), но не меньше произвола обнаружил этот суд правления...

...Мы, студенты, предполагали, что получившие повестку явиться в правление были вызваны только как первая партия, за которую следует вторая, третья и т. д. Но оказалось, что это не так; все эти лица были вызваны как наиболее виновные из бывших на сходке... Наказание было разделено на две категории; самое большое наказание понесли 4 лица: их исключили из университета без права поступления в какое бы то ни было учебное заведение, прочих уволили с правом поступления в другие университеты (оправданных не было).

О результатах этого суда некоторое время студенты вовсе не знали. Ни товарищи, ни ближайшие родственники вызванных на суд не только не могли узнать этого, но даже не знали, куда девали несчастных страдальцев. Утром эти лица отправились в университет и уже ни в этот день, ни в следующие четыре-пять их не видели, и сведений от них никто не получал. Дело в том, что по окончании судьбища, при выходе из правления на дворе все без исключения осужденные были окружены казаками или полицейскими и отведены в Бутырскую тюрьму. Таким образом, в данном факте нельзя не видеть большой солидарности и согласованности действий университетского начальства и полицейского.

<...> Конечно, таких случаев было много. Возмущенное несправедливостью и край-

ним произволом правления, студенчество заволновалось еще более, сходки стали устраиваться по несколько раз в день и в разных местах...

Сначала после суда сходки устраивались для выражения негодования против правления и выражения солидарности с пострадавшими. Кем и как устраивались эти сходки? Университетская полиция, вероятно, искала организаторов, а, между тем, они устраивались сами собой. Заметит ли кто – нибудь толпу студентов, как уже предполагается, что это сходка, и толпа все увеличивается и увеличивается. Вообще сходок было много. Но больших было только несколько. Перечислим их. На следующий день после суда правления каким – то образом распространился слух (устный, прокламаций не было), что студенты собираются на Нарышкинском сквере против Екатерининской больницы, где занимаются медики 5-го курса. Здесь собралось человек 300—400. Стали собирать входные билеты для передачи их инспекции с вышеуказанной целью. Вдруг со стороны Каретного ряда показывается отряд полицейских, который пошел прямо на студентов. Последние, не сопротивляясь, стали расходиться, направляясь к выходу. Полицейские устремились на отступающих студентов, стали их бить...

<...> На следующий день... в университете занятий собственно не происходило. Сходки устраивались во многих местах, очень многолюдные. В последний раз сходки устраивались, если не ошибаюсь, 27 ноября. Самые многолюдные были в большой словесной аудитории и в актовом зале. На них студенты требовали расследования дела о «Страстном побоище»... На этой сходке было решено лекций не посещать, а на следующий день собраться на общую сходку всех студентов. Но утром университет был объявлен закрытым, студентов в университет не пускали, и предложили разъезжаться, кто куда хочет. После Рождественских каникул занятия возобновились спокойно...

Волнения студентов улеглись, но недовольство университетским режимом осталось и продолжает оставаться до сих пор».

*Из книги Московский университет
в воспоминаниях современников. —
М., 1956. С. 328—335.*

Студенческие волнения в 1880-е годы

(по воспоминаниям профессора
Московского университета)

«...Студенческие истории», тогда время от времени разыгрывавшиеся, казались чем-то серьезным и возбуждали какие-то надежды и ожидания только потому, что на всем остальном поле общественной жизни царил полный штиль.

Вторая половина 80-х годов минувшего столетия была временем чрезвычайного обмеления общественных интересов. Все расселись по своим углам. Одни, по выражению Салтыкова, начали «годить», другие и «годить» перестали и, ни о чем не загадывая, ушли с головой в однообразную канитель «малых дел»... В атмосфере такой пришибленности «студенческие истории» казались своего рода громом в ясном небе... Если бы «истории» не раздувались охранкой, для которой они являлись манной небесной, давая пищу для ее деятельности и оправдывая ее существование, то они легко могли бы быть пресекаемы в самом зародыше.

Дело в том, что в этих студенческих «движениях» в то время еще не было никакой организованности. Существовали студенческие землячества, но правильно избранного объединяющего органа еще не было. И вообще не было никаких общестуденческих организаций. «Студенческие истории» начинались всегда почином никому не ведомой самочинной кучки и уже по одному этому сами по себе не могли бы рассчитывать на сколько-нибудь внушительный успех, если

бы им не приходили на помощь внеуниверситетские элементы.

«История» начиналась во имя каких-нибудь требований, касавшихся студенческого быта. Но утвердительно можно сказать, что истинная подкладка всегда была политическая и замысел «историй» исходил от какого-нибудь внеуниверситетского кружка. Университет избирался опорной точкой для демонстрации, ибо ни на какую иную среду нельзя было тогда рассчитывать в этом отношении. Затем все разыгрывалось как по нотам. Никому не ведомая самочинная группа вывешивала воззвание с приглашением на общестуденческую сходку. Общестуденческая сходка была тогда лишена всякой планомерной организации: это было хаотическое вече, где не было никакого выборного представительства, никаких предварительных сговоров, никаких установленных правил для ведения заседания и постановления решения. Просто в назначенное место приваливала нестройная толпа студентов, группа, созвавшая сходку, излагала цель сходки и предлагала заготовленную резолюцию с теми или другими требованиями к начальству. Начинались прения. Ввиду случайного состава собравшейся студенческой толпы, прения, разумеется, шли в высшей степени беспорядочно. Говорили кто в лес, кто по дрова. Инициативная группа и не умела и не хотела руководить прениями, она просто выжидала, когда толпа, наскучив сумбурным словоизвержением, начнет расходиться. Тогда без правильного голосования, бесформенным гулом ближайшей к инициаторам всего дела кучки наскоро проводилась заготовленная ранее резолюция. Сходка кончалась. Но к этому времени университет оказывался оцепленным полицией, конными жандармами и казаками. По городу распространялась весть, что студенты опять бунтуют. К университету собирались любопытствующие. Грозный вид вооруженной кавалерии производил на зевак такое впечатление, что происходит что-то злое-

щее и крупное. Охотнорядцы рвались в бой. А те обыватели, которые были настроены оппозиционно по отношению к начальству, смотрели на осажденных студентов как на доблестных героев.

Между тем полиция начинала хватать расходившихся со сходки студентов, а казаки пускали в ход нагайки. Окруженных студентов полиция с торжеством отводила в Манеж — огромное здание, находящееся как раз насупротив университета, по своим размерам могущее вобрать в себя чуть не половину всего студенчества...

Процессия перевода окруженных полицией студентов с университетского двора в Манеж еще более усиливала впечатление от «студенческой истории» как от какого-то крупного революционного события. И уличная толпа, глазевшая на эту процессию, и сами студенты невольно проникались таким убеждением. А власти не только не старались парализовать это убеждение, но, напротив того, делали все для его дальнейшего обострения и углубления. В тот же день, а иногда на следующее утро, студентов под конвоем солдат и казаков вели через весь город из Манежа в Бутырскую тюрьму, расположенную на окраине Москвы. Можно себе представить, в какой мере эта демонстративная прогулка подымала дух «бунтующих» студентов, окружая их ореолом страдальцев за революционные идеалы. Ведь кроме «сходки» и резолюции, принимаемой на сходке, в их распоряжении не было решительно никаких иных способов для политических манифестаций; студенческие «забастовки» были изобретены позднее. При сколько-нибудь тактическом и находчивом образе действий властей студенческая манифестация неизбежно угасла бы от внутреннего истощения. А между тем начальство само приходило на помощь студентам и устраивало для них такой революционный парад, как шествие через весь город на глазах всего населения густой толпы арестованных «бунтовщиков». Военные власти сами

чрезвычайно тяготились участием в этих полицейских манипуляциях, что с присущим ему остроумием выразил однажды генерал Драгомиров в Киеве. Получив от местной гражданской администрации приказание двинуть к университету военные части, он так донес об исполнении этого приказа: «Инфантерия двинута, конница выступает, неприятеля нигде не найдено».

* * *

Студенческие волнения почти не прерывались в течение всех 90-х годов, и, главное, они принимали теперь гораздо более организованный характер, нежели это было в 80-х годах. Уже в конце 80-х годов в Московском университете возник так называемый «Союзный совет объединенных землячеств». Правда, не все землячества и не все студенчество признали себя подчиненными этому Союзному совету, но все же количество подчинившихся было настолько значительно, что Союзный совет получил возможность по своему усмотрению организовывать студенческие манифестации и руководить их развитием. Не может быть сомнения в том, что этот Союзный совет вовсе не ограничивался стремлением влиять на ход университетской жизни по вопросам студенческого быта, а находился в известных отношениях с революционными политическими организациями и старался придать студенческим волнениям характер политического движения. Возникнув в Московском университете, Союзный совет объединенных студенческих землячеств постепенно занял положение центрального руководящего органа по отношению к студенчеству высших учебных заведений и других университетских городов, и это дало возможность координировать студенческие политические манифестации по всей России. Это обстоятельство сообщало студенческим волнениям такую внушительность, какой они ранее не имели.

Кроме того, теперь была выдвинута новая форма студенческих протестов против

существующих порядков. Раньше все ограничивалось принятием протестующих резолюций на довольно бесформенных и хаотических студенческих сходках. Теперь стала применяться форма студенческих забастовок. По указаниям Союзного совета студенты прекращали занятия впредь до удовлетворения выставленных требований. Удобство этой формы состояло в том, что к ней с гораздо большей легкостью могла примыкать широкая студенческая масса. Перестать ходить на лекции и в лаборатории гораздо легче, нежели идти на протестующую сходку с риском прямо оттуда попасть в Бутырскую тюрьму. Притом же непосещение лекций было довольно распространено среди студенчества и без всякой связи с какой-либо политикой... Конечно, начальство могло бы просто исключить бастующих студентов. Но это было вовсе не «просто», когда забастовка охватывала все университеты и исключения приняла бы массовый характер.

В 1895 г. разразились студенческие волнения во всех университетах и других высших учебных заведениях. Пароль был дан: требование отмены университетского устава 1884 г. и восстановление устава 1863 г., допущения в университеты женщин, отмены инспекции и т. д. На одной сходке полиция арестовала весь состав Союзного совета...

Между тем Союзный совет восстановился в новом составе и немедленно приступил к организации новых студенческих волнений. Весь 1896 г. прошел в непрерывных университетских волнениях. Поводы для них избирались различные. То протест против назначения на медицинскую кафедру в Москве одного ассистента, не пользовавшегося уважением студентов и добившегося назначения происками и угодничеством; то — новые требования отмены университетского устава 1884 г., то — устройство манифестаций по случаю полугодического дня катастрофы на Ходынском поле!...

За всеми этими поводами скрывалась, однако, чисто политическая цель: исполь-

звать легкую возбудимость молодежи для устройства противоправительственных манифестаций в надежде, что это послужит первым толчком для оживления революционного движения в стране. В одном из воззваний, выпущенных Союзным советом, прямо было сказано, что Совет ставит себе главной целью подготовку политических борцов из среды студенчества. В ноябре 1896 г. Союзный совет в новом своем составе опять был арестован, а затем последова-

ли дальнейшие аресты, несколько сот студентов из Московского университета были исключены, и некоторое количество было подвергнуто высылке. После этого около двух лет университетская жизнь с грехом пополам катилась по обычному руслу. Но с началом 1899 г. университетские волнения вспыхнули с новой силой».

Из книги А.А. Кизветтера.

На рубеже двух эпох. – М, 1999. С. 75–79.

* * *

¹ Эта трагедия разразилась в мае 1896 г. во время коронации Николая II: на Ходынском поле были устроены народные увеселения и раздача подарков, в результате чего произошла давка с большим количеством человеческих жертв.

Студенты МГУ и власть: к истории инакомыслия XX века

Публикуемые документы посвящены истории инакомыслия студентов Московского университета в 1940–1950 гг.

Ключевые слова: студенчество, вольнодумство, оппозиционность, власть, Московский университет.

Публикуемые ниже документы датируются первым послевоенным десятилетием — эпохой позднего («классического») сталинизма и первыми годами «хрущевской оттепели».

Побывав на фронте и вернувшись из эвакуации, многие студенты, пришедшие в университет после войны, стали задавать «неудобные» вопросы и высказывать собственные суждения, далеко не всегда совпадавшие с официальными партийными установками. Проявлением инакомыслия и оппозиционности к системе считалось любое, пусть даже самое незначительное, отступление от официальных установок, будь то чтение стихов А. Ахматовой, высказывания студентов о бедственном положении в послевоенной деревне или нежелание идти на выборы. С тем большими опасениями воспринимались властью сведения о неприятии некоторыми студентами МГУ наступившего после войны «закручивания гаек». Власть не мог не насторожить и тот факт, что «крамольные мысли» и «непристойное» поведение позволяли себе студенты таких

«идеологически важных» факультетов, как исторический, философский и факультет журналистики.

Как известно, студенческое «вольнодумство» в последние годы сталинского правления не переросло в массовые политические манифестации и митинги. Однако именно студенты МГУ конца 1940 — начала 1950-х гг. предвосхитили начавшееся в университете в период хрущевской «оттепели» «брожение умов», которое стало частью процесса критического переосмысления недавнего прошлого страны. О том, с каким трудом шло это переосмысление, свидетельствуют материалы протоколов заседаний Парткома МГУ 1955–1959 гг.

Документы приводятся с сокращениями. Язык документов сохранен.

Информация, полученная парткомом МГУ, о политических настроениях студентов университета

(7 октября 1946 г.)

1. Основные вопросы, выяснением которых занималась истекшую неделю группа информаторов МГУ, следующие:

а. Отклики студенчества, аспирантов, профессорско-преподавательского состава и обслуживающего состава МГУ на ответы, данные товарищем Сталиным писателю Александру Верту¹;

б. Отношение к проблемам, поднятым товарищем Ждановым в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград»;

в. настроение коллектива в связи с уменьшением норм выдачи хлеба и круп;

2. Реакция подавляющего большинства коллектива по поводу всех вышеперечисленных вопросов — правильная, настроение здоровое.

¹ Верт Александр — английский журналист, автор исследования «Россия в войне. 1941–1945 гг.».

3. Необходимо отметить, тем не менее, следующие высказывания:

Член ВЛКСМ товарищ Баженова, окончившая в 1946 году физический факультет МГУ и зачисленная в аспирантуру, заявила, что не находит ничего особенного в докладе товарища Жданова.

«Ругать всякий может, — сказала она, — дайте мне 25 рублей и я тоже кого-угодно отругаю». Далее товарищ Баженова добавила: «У нас вообще все очень быстро перекрашиваются, а мне это не свойственно. Из того, что кто-то дурно сказал об Ахматовой, не следует, что она мне перестала нравиться. Конечно, она не советская, а салонная поэтесса, но мне она нравилась, нравится и будет нравиться».

Студент IV курса химического факультета товарищ Попов считает, что «Зощенко — неплохой писатель». «Просто нужно было найти козла отпущения — вот и нашли».

<...> По сведениям информатора библиотеки товарища Р. сотрудниками читального зала отмечено резкое увеличение интереса к произведениям Зощенко.

Спрос на журнал «Звезда» (№ 5, 6. 1946 г.), где опубликован рассказ «Приключения обезьяны», повысился в 10 раз».

Информатор парткома МГУ.

Москва послевоенная.

1945–1947 гг. Архивные документы и материалы. — М., 2000. С. 579–580.

Справка секретаря Краснопресненского РК ВКП (б) г. Москвы Н. Ликовенкова Г.М. Попову о положении дел на Историческом факультете МГУ

(6 декабря 1946 г.)

<...> «Проведенная работа райкомом партии по факультету показала, что в орга-

низации учебного процесса, методике преподавания и идеологическом воспитании студенчества имеют место крупные недостатки, вследствие чего у некоторых студентов, особенно на 3-м курсе, появились нездоровые упаднические и антисоветские настроения.

<...> Наиболее распространенная форма этих «мучений», «сомнений» - в нужности комсомола. Считают, что комсомол изжил себя, разбух и не может играть руководящей роли. Единственное, что может его вылечить, по их мнению, радикальная чистка, а пока ее нет, делать в комсомоле нечего, общественная работа только мешает...

У некоторых в связи с этими взглядами возникает мысль о необходимости выйти из комсомола, хотя они по большей части не приводят ее в исполнение, она их даже пугает... Не менее распространена и другая форма сомнений в том, что действительно ли у нас построен социализм... Обычно этот основной вопрос сопровождается рядом производных, которые иногда выступают совершенно самостоятельно, сомневаются, является ли вообще социализм тем идеалом, за который следует бороться... Может ли социализм изменить природную низость человека... Является ли наша демократия высшей формой демократии, а не врут ли наши газеты, существует ли у нас свобода слова... Говорят, что на Западе люди живут лучше, чем у нас, хотя там и нет социализма, и из этого делают вывод, что нас в чем-то обманывали...».

*Москва послевоенная. 1945 – 1947 гг.
Архивные документы и материалы. –
М., 2001. с.581 — 588.*

Из материалов заседания парткома (1954 г.)

Из выступления преподавателя кафедры марксизма — ленинизма, члена парткома Г.Г. Морехиной:

«Зачитаю записку студента конца 1953 г.: «... программная комиссия, созданная XVIII съездом <ВКП(б)> во главе с товарищем Сталиным (причем, написано не полностью «товарищ Сталин», а просто «т. Сталин»), не справилась с работой. Почему XIX съезд не спросил у нее отчета?». На мое разъяснение этого вопроса последовало заявление другого студента: «Если Вы будете так отвечать на вопросы, то это будет воспитанием в духе культа личности».

<...> Что касается культа личности, я разъяснила товарищам, в чем они не правы. Я сделала все возможное, чтобы к товарищу Сталину студенты прониклись глубоким уважением. Но последовала вторая записка, что студенты не удовлетворены моим ответом. Хотя я просила товарища, написавшего записку, подойти ко мне поговорить, студент не пришел».

*Из документальной публикации Е. Таранова.
«Вольнодумство в МГУ».
(По протоколам парткома. 1951–1959 гг.). //
Источник. 2002. № 3. с. 88.*

«Раскачаем Ленинские горы!»

Из истории «вольнодумства» в московском университете (1955—1956 гг.)
Материалы заседаний парткома МГУ им. М.В. Ломоносова

<...> «29 мая 1956 года на внеочередном заседании парткома обсуждали недостойное поведение группы студентов МГУ 25—27 мая 1956 года... А причина была самая простая. 21 мая студенты обнаружили в буфете несколько килограммов некачественных сарделек. Работники комбината питания не признали обвинений. Об этом происшествии узнали студенты, жившие в общежитии на Стромынке, и объявили бой-

кот стромынской столовой, где тоже оказались недоброкачественные продукты.

По тревоге был собран актив: представители профкома, парткома, студсовета. Вместо того, чтобы создать комиссию по проверке качества продуктов, секретарь парткома начал говорить, что такие методы борьбы за улучшение работы столовых неправильны, что это не советский метод и т. п. Представители МГК и РК КПСС, прибывшие к этому времени, тоже сделали упор на «политическую ошибку» студентов. Их поддержали работники торговли и общественного питания, уверяя, что продукты свежи и доброкачественны.

Тогда студенты-филологи 25 мая выставили у столовой на Стромынке пикеты и никого не пустили в помещение. Возглавила пикетчиков энергичная девушка — студентка Ковалева. К ним присоединились студенты других факультетов.

26—27-го на Стромынку устремились руководители управления торговли, работники МГК партии, представители парткома, факультетов МГУ (вузком ВЛКСМ узнал о бойкоте последним). Они уговаривали, обещали, пугали студентов, которые требовали одного: «навести порядок в студенческих столовых, выгнать жуликов».

Партком же твердил свое: это — «политическая провокация». Да, говорили представители, жулики окопались в комбинате питания, да, столовые работают безобразно, кормят плохо и дорого. Но бойкот — это политический вызов.

Тогда студенты-филологи, биологи, историки, журналисты вывесили лозунг: «Если ты не хочешь питаться, как скот, — поддерживай бойкот!» — и обратились за поддержкой на другие факультеты. Условие поставлено было одно: разобраться с воровством в комбинате питания. Но на парткоме опять говорили о другом.

Вопрос представителя МГК КПСС: «... Правда ли, что один заявил, что не доверяем горкому партии?»

Ответ одного из руководителей парткома: «Это Медведев — студент юридического факультета, комсомолец. Он 25 мая ворвался в кабинет, где были представители МГК, парткома и комбината общественного питания, и заявил: «Мы вам не позволим без нас решать вопрос»... Наиболее активны в этом деле были девушки филологи, за ними юристы и журналисты... появились даже листовки, и развешивались всякие призывы к забастовкам... В дни, когда с особой яркостью проявляется забота партии и правительства о молодежи, наша молодежь проявляет политическую незрелость. Бойкот или забастовка? Это же ведь форма классово-вой борьбы. С кем?»

Преподаватель Савинченко: «У нас — и у руководства факультетов и райкома партии — есть основание считать, что основная бактерия разложения — это иностранцы! По многим данным, наши студенты не додумались бы до формы бойкота или забастовки. Это, бесспорно, им подсказано иностранцами. В них — основное бродило разложения... Они основные организаторы пьянства, картежной игры, спекуляций. С ними связаны подпольные аборты... Нам нужно за это не один десяток зачинщиков исключить. А если мы будем либеральничать, то получим еще что-либо похуже...»

Директор общежития Барсуков: «Выставлены очень броские и привлекательные лозунги: «Раскачаем Ленинские горы!», «Если ты не хочешь питаться, как скот, — поддерживай бойкот!» А рядом цитата из доклада Н.С. Хрущева на XX съезде о постановке общественного питания. Я считаю, что враждебные силы здесь сыграли определенную роль. Это возникло не стихийно».

Из постановления чрезвычайного заседания парткома

«1. Осудить попытку организации бойкота столовой как проявление мелко бур-

жуазной распущенности, анархизма и политической незрелости со стороны отдельной части студентов, проживающих в общежитии на Стромынке».

Потом еще долгое время на факультетах, в общежитиях проводилось дознание: принимал ли участие в бойкоте? где ты был 25—27 мая? Несколько студентов-юристов и «зачинщица» бойкота, отличница филологического факультета Ковалева были исключены из университета.

Все эти события напугали ректорат и партийный комитет, тем более что о них узнали в горкоме партии, куда с докладом вызвали секретаря парткома.

В эти дни пассивно вел себя комитет комсомола: не было проведено ни одного заседания, никого не наказали, даже не пожурили. Поведение вузкома ВЛКСМ и его секретаря Б. Спиридонова показалось более чем странным. Нужно было разобраться.

Кроме того, в этот период партком МГУ столкнулся с новым необычным явлением. На ряде факультетов (физическом, биолого-почвенном, журналистики, экономическом, геологическом) на отчетно-выборных комсомольских собраниях студенты решительно отказывались вводить в состав бюро курса или факультета коммунистов. Часто приходилось затягивать собрания, назначать перевыборы, убеждать комсомольцев в группах, беседовать с отдельными активистами, но при тайном голосовании часть предложенных партбюро молодых коммунистов обязательно вычеркивалась в бюллетенях.

Это стало предметом и поводом для проведения специального заседания парткома — «О работе комитета ВЛКСМ МГУ».

Заседание состоялось вскоре после летних каникул, 3 октября 1956 года. Секретарь комитета ВЛКСМ Спиридонов обстоятельно доложил о работе комсомольской организации, учебе студентов, научной работе аспирантов, о добросовестном летнем труде отрядов МГУ на целине и ударных стройках.

Но, поднимая общие вопросы и говоря о недостатках, он умышленно обошел майские события на Стромынке. Он не считал их политическим актом.

Из доклада: «...Решения XX съезда подняли инициативу и активность комсомольцев в университете. Комсомольцы стали резче и активнее ставить вопросы, больше стали проявлять непримиримость к недостаткам в нашей жизни... Есть у нас и демагогические выступления, которым, к сожалению, не всегда дается правильный отпор. На последнем собрании на геологическом факультете, на 4-м курсе факультета журналистики были незрелые выступления, граничащие с клеветой на комсомол. Если бы они хоть получили отповедь, а то некоторые выступления кончались под аплодисменты. <...> Это показывает, что комсомольцы не поняли решений XX съезда.<...> У биологов выступил товарищ и заявил, что комсомол себя изжил и ничего не дает».

Затем началось обсуждение...

Ректор МГУ Петровский: «...Вот что меня больше всего беспокоит в работе не только комсомола. У нас за последнее время был целый ряд больших неожиданностей. Все было хорошо. Вдруг забастовка. Говорили о том, что мало практической работы в лабораториях, говорили о том, что у геологов ничего произойти не может, и вдруг — забастовка. Я не знаю, что может быть завтра. Вообще, это страшно! Мы не знаем обстановки, в которой мы находимся... Это меня пугает».

Преподаватель Гордеев: «...Страшно не то, о чем говорил товарищ Петровский. Странно будет, если и у нас после XX съезда не прокатится еще более широкая [полоса] инициативы, юношеского творчества. Совсем не странно, когда комсомольская масса начинает бурлить, когда отчетно-перевыборное собрание затягивается на три вечера... Выступает девушка и говорит, что она не имеет в жизни идеала и что комсомол не привил ей идеала в жизни. Можно ее упрекать? Можно. Но и задуматься тоже нужно.

Было выступление, что комсомол прогнул сверху донизу. Товарищи дали отпор, они приперли его к стенке... «Оратор» вскоре отказался от своих слов, заявил, что он имел в виду: не комсомол прогнул, а формы работы с молодежью...».

Лидер агитколлектива МГУ Петушкова: «...Перед агитаторами ставили вопрос о культе личности, но как-то неопределенно. Сразу же пошли слухи. Мы спросили у члена парткома Рачинского, как нам отвечать на вопросы? Он нам сказал, что на этот вопрос агитаторам не отвечать. Если будут спрашивать, скажите, что такого письма не знаете (Это зам. секретаря парткома сказал) ...Как тут работать со студентами?..»

Член парткома МГУ Салищев: «...Группа студентов исторического факультета перед каждым собранием применяет методы насилия, распространяют листовки, где, например, пишут, что, если будут обсуждаться вопросы — как провели лето, как работали студенты на целине, то нужно отвечать так: целина — это авантюра, что это безобразия, студентов послали туда необученных, что это гибель, травмы; что на целине студенческая жизнь для начальства — копейка, и т. д. ...Эти прохвосты могут так ставить вопрос, и студенты не говорят, что это нажим на комсомольское мнение. А когда выступает коммунист и громит отсталые взгляды — кричат: «нажим!».

Из постановления парткома 3 октября 1956 года

«...Комитет ВЛКСМ не предъявлял принципиальной требовательности к комсомольскому активу и ответственности за порученное дело. Некоторые комсомольские активисты допускают незрелость и серьезные ошибки при решении вопросов комсомольской жизни. Такое положение сложилось в комсомольской организации факультета журналистики, где секретарь бюро ВЛКСМ товарищ Кузнецов перед ли-

цом возникших трудностей проявил полную безвольность и беспринципность, оказался на поводу у незрелой части комсомольцев. Член факультетского бюро товарищ Саркисян, секретарь бюро ВЛКСМ 4-го курса товарищ Дедков заняли позицию, несовместимую с позицией руководителей комсомольской организации».

<...> Но не угомонились биологи, геологи, заявляя о себе молодой факультет журналистики; КГБ взял «под колпак» ряд будущих историков, о чем и было доложено парткому. Сообщалось о бойкотах, антипартийных высказываниях, отказе от выполнения поручений; падала учебная дисциплина. Делегации студентов из других вузов (МАИ, МГПИ и др.) приезжали в МГУ, предлагали свою помощь. Выходили дерзкие стенгазеты на физфаке и мехмате; студент 3-го курса факультета журналистики Крестьянинов отказался голосовать 3 марта на выборах в Верховный Совет (один на весь Ленинский район). Избранный секретарем факультетского бюро ВЛКСМ И. Дедков активно защищал Крестьянинова, утверждая, что голосование — это личное дело каждого гражданина. Об этом с возмущением доложил секретарь парткома Е. Чехарин: «...Как можно доверить руководство комсомольской организацией человеку, который имеет такую точку зрения и заявляет в адрес коммунистов, занимающих принципиальную позицию: «Я с вами не согласен, нас история рассудит». Это демагогия чистой воды».

*Из документальной публикации Е. Таранова
«Раскачаем Ленинские горы!»*

(Из истории «Вольнодумства» в Московском университете (1955—1956 гг.) //

Свободная мысль. 1992. № 10. С. 95—103.

Из материалов заседания парткома (1957 г.)

Из доклада: «...Мы приняли на вооружение письмо ЦК от 19 декабря 1956 г. об

усилении политической работы в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов... Была предотвращена дискуссия о романе Дудинцева «Не хлебом единым», которую готовила часть комсомольцев 1-го курса...

Органы госбезопасности арестовали двух молодых преподавателей — кандидатов исторических наук, одного аспиранта кафедры истории КПСС и одного студента. Арестованные — выпускники исторического факультета. Двое из них — коммунисты.

...На факультете появилась политически вредная надпись на доске, через несколько дней — листовки со стихами подобного характера (автора не нашли).

Из прений:

«...среди комсомольцев такие настроения: «ясно, что комсомол себя изжил».

<...> «Щедрин — 18-летний юнец, ляпнул глупость о статье Н.С. Хрущева об искусстве. Его только погнали с экзамена, а надо бы с университета».

«Маргулин — 30 лет. Бывший репрессированный. Настроен плохо. Взял в свои руки студентов первого курса. Они во всем его слушаются. Только недавно исключили...».

Из постановления парткома:

«...В прошлом (1956 г.) учебном году на историческом факультете имелся ряд политически неправильных выступлений со стороны отдельных студентов, были случаи появления отдельных листовок...

Во время событий в Венгрии² студенты исторического факультета (с участием арестованного ныне Обушенкова) скрытно проводили в общежитии «понедельник», где некоторые польские и венгерские студенты допускали антисоветские высказывания...

на кафедре либеральничают... студент Комич, оправдывающий бойкот в столовой и угрожавший повторением подобных «мер», через три месяца был избран и сейчас работает секретарем бюро ВЛКСМ курса, а активному участнику бойкота Мацаканяну было оказано содействие при защите дипломной работы на кафедре истории КПСС и при сдаче государственных экзаменов.

...О запущенности идейно — политической работы и притуплении революционной бдительности в партийной организации факультета свидетельствует факт ареста за активную антисоветскую деятельность преподавателей исторического факультета Обушенкова и Покровского, аспиранта кафедры истории КПСС Краснопевцева и студента Козового.

Серьезные недостатки имеются в изучении марксистско-ленинской теории, непонимание некоторыми студентами основных положений марксизма-ленинизма и незнание работ классиков, неумение приложить эти положения к современности и различным направлениям науки. Студент 1-го курса Щедрин заявил на экзамене, что работы классиков марксизма — ленинизма не читал, использовал по истории Египта буржуазную литературу. Вредную пропаганду вел студент Маргулин, заявляя, что «социалистический реализм — это выдумка»...

...Многие из студентов не разбираются в важнейших вопросах истории КПСС. Низка посещаемость занятий и лекций...».

*Из документальной публикации Е. Таранова.
«Вольнодумство в МГУ».*

(По протоколам парткома. 1951—1959 гг.)

// Источник. 2002. № 3. С. 84—96.

² Речь идет о вторжении советских войск в Венгрию в 1956 г.

«Gaudeamus igitur»

Современники о нравах студентов Императорского Московского университета XIX века

В публикуемых фрагментах упоминается о быте и нравах студентов Московского университета XIX столетия и праздновании ими Татьянинного дня.

Ключевые слова: Московский университет, студенчество, веселье, Татьянин день, Москва, «Британия», «Gaudeamus igitur», праздник.

Перед нами — воспоминания современников о нравах и праздниках студентов Московского университета XIX века. Эти свидетельства рисуют неповторимый мир Московского университета середины столетия и отчасти воссоздают атмосферу веселья и бесшабашности, которыми славились питомцы университета.

Однако настоящие удаль и веселье выплескивались на улицы Москвы в Татьянин день — любимый праздник московского студенчества. В юбилейном 1885 году бывший студент Московского университета А.П. Чехов так описывал происходившие в этот день события: «В этом году выпито все, кроме Москвы-реки, и то благодаря тому, что она замерзла...». Празднование Татьянинного дня в таких масштабах заканчивалось, как правило, тем, что под утро швейцары ресторанов надписывали мелом на спинах студентов адреса, после чего их развозили по домам более удачливые товарищи.

Размах ежегодных празднований вынудил Л.Н. Толстого публично осудить пьянс-

тво «самых просвещенных людей» России, после чего студенческая удаль несколько да поутихла. Но и в более поздние годы «праздник своевольного духа» отмечался студенчеством на «должном уровне». Об этом — приводимые ниже свидетельства.

Смещение нравов

«Что же представлял из себя в это время Московский университет? Попечителем с 1835 по 1848 гг. был граф С.Г. Строганов. То был, прежде всего, гуманный и просвещенный вельможа. Если ему случалось поступать самовластно, то интересы университета все-таки были для него всегда на первом плане. Быстро он сумел так поставить университет, что и по сю пору время его попечительства — едва ли не самая блестящая эпоха в жизни этого высшего учебного заведения. Почти на всех факультетах первенствовали отысканные им профессора, учившиеся за границей; блестящий профессорский персонал делал университет средоточием умственной жизни всей столицы. К студентам Строганов относился с неизменным участием, вежливостью образованного человека, никогда не доводя до крайности общего тогдашнего формализма, и это особенно ценили в нем.

Инспектором студентов был их гроза и любимец Платон Степанович Нахимов, брат синопского Нахимова. По воспоминаниям студентов, этот ворчун и добряк, прозвищем Флаконт Стаканыч... представлял из себя нечто вроде лермонтовского Максима Максимыча. Масса анекдотов, иногда чрезвычайно забавных, ходила о нем. Рассказывали, например, как он честным словом пригрозил исключить какого-то студента, если еще раз увидит его неостриженным, и как он удирал от этого студента, чтобы не быть поставленным в необходимость исполнить обещание <...>.

Студенческие нравы носили на себе с одной стороны отпечаток всеобщей грубости,

обусловленной крепостным правом. Были еще живы предания недавнего прошлого, когда студенты являлись на лекции в неопрятных и не совсем целых костюмах, приносили с собой закуску и водку, нередко школьничали и буянили, показывая свою удаль. С другой стороны, университет в сороковые годы во всем был контрастом... царству пошлости, которое изобразила натуральная школа. «Я помню на университетской скамье ту осмысленную и культурную эпоху, как она нас охватывала и напутствовала в жизни, — рассказывает один из современников, — Искреннее уважение к науке господствовало тогда в стенах *alma mater*, оставшейся незабвенной до гробовой доски; среди разгула, в котором бушевал избыток юношеских сил, не требовавшийся ни на какое другое дело в дымной «Британии», без умолку раздавался оживленный и серьезный спор о философских вопросах и о крупных литературных и художественных явлениях».

«Британия», — рассказывает он же, — была своеобразное и не лишенное значения учреждение сороковых годов. Это был довольно грязный трактир, прямо против Манежа, где теперь меблированные комнаты. В «Британии» в каждой комнате висело расписание университетских лекций; полковые знали характеристику каждого профессора и по-своему толковали о писателях. Во время лекций тянулась без перерыва цепь студентов, возвращавшихся из «Британии» в университет или обратно направлявшихся туда; каждый вечер далеко за полночь в «Британии» собирались сотни студентов. Это была настоящая, ежедневная учебно-литературная сходка, на которой, впрочем, решались студентами и все до них касающиеся университетские дела.

Платон Степанович официально признавал «Британию» за *status in statu*; он посылал туда письменные объявления о вызове кого-либо из студентов, и от казеннокоштного студента, оканчивавшего курс и получавшего при выходе определенную

сумму на экипировку, требовал квитанции в уплате счета в «Британии», без чего деньги не выдавались. Но никогда ни один субинспектор не появлялся в «Британии».

Как-то раз студент, срезавшийся на экзаме́не и просивший Платона Степаныча уговорить профессора прибавить балл, тоже по обычаю уверял, что он «все знает» и только случайно смешался и не ответил. «Нет, ты ничего не знаешь», — отвечал с добродушной улыбкой Платон Степаныч, — очень уж часто ты через пролив-то плаваешь». Проливом Платон Степаныч называл улицу, отделявшую «Британию» от университета. Несмотря на то, Платон Степанович просьбу студента исполнил.

Состав профессоров представлял собою почти такое же смешение, как нравы студенчества, то погружавшегося в науку или философские и эстетические споры, то кутившего и храбро сражавшегося с полицией, на что власти смотрели сквозь пальцы, лишь бы эти столкновения свидетельствовали об удали «буршей», а не об их «образе мыслей». Профессора разбились как бы на две партии — «старых» и «молодых»; большинство последних получило образование за границею, но к ним примыкали и старые годами, как к «старикам» принадлежали и более молодые по летам.

Относительно «стариков» можно сказать, что они напоминали порою то время Московского университета, когда профессор философии так определял скептицизм: «мужик ведет по дороге поросенка, а прохожий, встретив его, говорит: полно, так ли, не поросенок ли ведет мужика?» — вот скептицизм»; или профессор зоологии, перемешав свои тетрадки, читал о зайце, что у него есть грива и когти, а следующую лекцию начинал заявлением, что прочитанное на прошлой — надо относить ко льву» <...>.

*Из книги В.Е. Чешихина (Ч. Ветринского)
Т.Н. Грановский и его время. — М., 1897.
С. 120—123.*

Праздник своевольного духа

«Веселье безумное, безопределенное — девиз Татьянина дня. Этот день — праздник безудержного, своевольного духа, сбросившего своевольную оболочку...

Этот день всеобщего безумия бывает раз в году. Он необходим, как необходимо переживание всякого настроения: иначе жизнь не была бы полна... Это сверхпраздник.

День начинается торжественным актом в университете. Большая зала. Темная зелень тропических растений. Ряды стульев. Кафедра. Отсутствие яркого света. Важные лица, звезды, ленты через плечо, мундиры, корректные фраки, профессорская корпорация в полном составе. За колоннами синие воротники студенческих сюртуков. Чинно, строго, невозмутимо... Академическая речь. Речь размеренная, тягучая, без увлечения и без эффектов... Затем университетский отчет... Скоро конец. Студенты начинают перешептываться. Раздача медалей. Тушь. Зала подает признаки жизни. Народный гимн. Несмелые крики ура... Акт кончен. Важные лица удаляются... Откуда-то сзади доносятся отдельные голоса:

— «Gaudeamus!», «Gaudeamus!!»

Эти крики растут. Постепенно заполняют всю залу.

— «Gaudeamus!», «Gaudeamus!!»

Музыка играет «Gaudeamus».

Поднимается рев. Невообразимый шум. Своевольный дух вступает в свои права. Опьянение начинается...

Далее действие переносится в трактиры, в пивные, в рестораны средней руки...

К 6-ти часам вечера толпы студентов с песнями направляются к Эрмитажу... Замирает обычная жизнь улиц и Москва обращается в царство студентов. Только одни синие фуражки видны повсюду. Быстрыми, волнующимися потоками студенты стремятся к Эрмитажу — к центру...

Но вот Эрмитаж. До 5 часов здесь сравнительно спокойно. Говорят речи, обедают. К пяти часам Эрмитаж теряет свою обычную

физиономию. Из зала выносятся растения, все, что есть дорогого, ценного, все, что только можно вынести. Фарфоровая посуда заменяется глиняной. Число студентов растет с каждой минутой. Сначала швейцары дают номерки от платья. Потом вешалок не хватает. В роскошную залу вваливается толпа в калошах, фуражках, пальто... Поднимается невообразимая кутерьма...

В девять часов Эрмитаж пустеет. Лихачи, ваньки, толпы студентов пешком — все едет, стремительно несется к Тверской заставе — в «Яр» и «Стрельну», где разыгрывается последний акт этой безумной феерии...

В «Яру» темп настроения повышается... Каждый хочет превзойти другого в безумии. Один едет на плечах товарища к стойке, выпивает рюмку водки и отъезжает в сторону. Другие лезут на декоративное растение. Третьи взбираются по столбам аквариума вверх. Кто-то купается в аквариуме...

Вдруг раздаются бешеные звуки мазурки. Играет духовой оркестр и все, кто есть в зале, бросаются танцевать мазурку... И это продолжается до трех часов ночи. Потом студенты едут и идут в город. Иногда устраиваются факельные шествия со свечами до Тверской заставы. Потом постепенно все стихает, испаряется, исчезает в предрасветном тумане, зарождается тусклый день. Унылый день мелочных забот и житейской повседневности...».

Из книги П. Иванова «Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (очерки)». — М., 1903. С. 266–270.

Народ в буржуазном дворце обжорства

«Никогда не были так шумны московские улицы, как ежегодно в этот день. Толпы студентов до поздней ночи ходили по Москве с песнями, ездили, обнявшись втроем и вчетвером на одном извозчике и горланили. Недаром, во всех песенках рифмуется: «спья-

на» и «Татьяна»? Это был беззаботно-шумный гулящий день. И полиция, — хотя она имела расчеты и указания свыше, — студентов не арестовывала. Шпикам тоже было приказано не попадаться на глаза студентам.

Тогда любимой песней была «Дубинушка».

12 января утром — торжественный акт в университете в присутствии высших властей столицы. ...

По окончании акта студенты вываливают на Большую Никитскую и толпами, распевая «Gaudeamus igitur!», движутся к Никитским воротам и к Тверскому бульвару, в излюбленные свои пивные...

Зарядившись в пивных, студенчество толпами спускается вниз на Трубную площадь, с песнями, но уже «Gaudeamus» заменен «Дубинушкой»... Перед «Московскими ведомостями» все останавливаются и орут: «И вырежем мы в заповедных лесах на барскую спину дубину...». И с песнями вкатываются толпы в роскошный вестибюль «Эрмитажа», с зеркалами и статуями, шлепая сапогами по белокаменной лестнице, с которой предусмотрительно сняты, ради этого дня, обычные мягкие, дорогие ковры.

Еще с семидесятых годов хозяин «Эрмитажа» француз Оливье отдавал студентам на этот день свой ресторан для гулянки. Традиционно в ночь на двенадцатое января огромный зал «Эрмитажа» преобразался. Дорогая шелковая мебель исчезала, пол густо усыпался опилками, вносились простые деревянные столы, табуретки, венские стулья.... В буфете и на кухне оставались только холодные кушанья, водка, пиво и дешевое вино. Это был народный праздник в буржуазном дворце обжорства.

В этот день даже во времена самой злейшей реакции это был единственный зал в России, где легально произносились смелые речи. «Эрмитаж» был во власти студентов и их гостей, — любимых профессоров, писателей, земцев, адвокатов. Пели, говорили, кричали, заливали пивом и водкой пол. В зале дым ко- ромыслом! Профессоров поднимали на столы,

МЕДИА альманах

ораторы сменялись один за другим... На стол вскочил косматый студент в красной рубахе и порыжелой тужурке. Покрыв шум голосов невероятным басом, сильно ударяя на букву «о», по — семинарски:

— То-оварищи! товарищи!

— Долой! Долой! — закричали студенты, увлеченные речами своих любимых профессоров.

— То-оварищи! — упорно гремел бас.

— До-о-олой! — вопил зал. И ближайшие пытались сорвать оратора со стола.

Но бас новым усилием покрыв шум:

— Да, долой! — грянул он, грозно подняв руки, и ближайšie смолкли.

— Долой самодержавие! — загремел он еще раз и прыгнул в толпу.

Произошло нечто небывалое... Через минуту студента качали, и зал гремел от крика. А потом всю ночь на улице студенты прерывали свои песни криками:

— Долой самодержавие!...».

Из книги В. А. Гуляровского «Москва и москвичи». — Минск, 1980. с. 171—172.

СМИ ОТЕЧЕСТВА

- 34 • «Нечаянный» конфликт:
Н.И. Новиков
и Комиссия народных училищ.
Из истории контрафакции
в России**

- 39 • М.М. Херасков:
Штрихи к портрету
первого цензора Московского
университета**

- 44 • А.П. Чехов и А.С. Суворин.
Искренняя дружба
или личная выгода?**

- 52 • Газеты из коллекции
С.Д. Полторацкого.
Собрание Научной библиотеки
МГУ им. М.В. Ломоносова**

- 55 • Первый номер
первой газеты Императорского
Московского университета**

«Нечаянный» конфликт: Н.И. Новиков и Комиссия народных училищ

Из истории контрафакции в России

Антон Бакунцев

Охрана интеллектуальной собственности — одна из актуальнейших проблем современных СМИ, имеющая широкий общественный резонанс. Однако возникла эта проблема не сегодня. Статья посвящена драматическому эпизоду в истории становления отечественного института исключительных прав на произведения литературы в России XVIII столетия.

Ключевые слова: Н.И. Новиков, Комиссия народных училищ, государственная монополия, издательская привилегия, контрафакция

Бакунцев А.В. — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ.
antonio7@list.ru

Отношения выдающегося русского просветителя Н.И. Новикова с верховной властью всегда были непростыми. Бывал он и облакан, как в 1770-х гг., когда за свою журнальную и издательскую деятельность получал из императрицыных рук немалые награды — своего рода литературные премии¹. Но несравненно чаще испытывал он притеснения, особенно с середины 1780-х гг., большей частью за печатание и распространение «зловредных», как было сказано в одном доносе, книг (в основном масонских), которые продавались в открытых им книжных лавках. В конце концов, именно это, вкупе с обвинениями в «гнусном расколе», стало в 1792 г. предлогом для того, чтобы заключить Новикова в Шлиссельбургскую крепость.

Начались неприятности в августе 1784 г., незадолго до создания Типографической компании. Правда, причиной первой из них была не масонская литература (кстати, в России она никогда не запрещалась), а издательский конфликт с Комиссией народ-

ных училищ, который нельзя назвать иначе, как «нечаянным» или «курьезным».

Новиков и типография Московского университета

В 1779 г. Новиков арендовал на 10 лет типографию Московского университета. В то время содержать собственную типографию могли немногие, не только в силу известных издержек, но, в большей степени, в связи с особым отношением к этому вопросу со стороны имперского правительства.

До начала 1770-х гг. в сфере русского книгоиздания царил абсолютная монополия государства. На законных основаниях издавать книги могли только так называемые «казенные заведения», т.е. государственные учреждения — Правительствующий Сенат, Священный Синод, Санкт-Петербургская Академия наук, ряд высших учебных заведений (в том числе Морской корпус, Московский университет, Сухопутный шляхетский кадетский корпус). Первые частные (или, как их тогда называли, «вольные») типографии стали появляться только с 1771 г. Но получить разрешение властей на заведение «вольной» типографии было очень трудно: в 1771–1783 гг.² открылось всего шесть «вольных» типографий.

Большинство потенциальных издателей поступало иначе: они брали у какого-нибудь «казенного заведения» принадлежавшую ему типографию «на откуп», т.е. в аренду. В 1750–70-х гг. на содержание частных лиц были переданы типографии Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, Сената (в Москве и Петербурге), Московского университета³, рижского магистрата.

Новиков выбрал именно этот путь. Он заключил с куратором Московского университета М.М. Херасковым договор, по которому университетская типография предоставлялась издателю в пользование на 10 лет. При этом Новиков обязался выплачивать

университету по 4,5 тыс. руб. ежегодно и взять на себя все расходы, связанные с содержанием типографских служащих. Договор вступил в силу с 1 мая 1779 г.

За время аренды типографии Московского университета Новиков «усовершенствовал типографское оборудование, выписав из-за границы хорошие иностранные шрифты и улучшив русский; оживил издание «Московских ведомостей» выпискою иностранных журналов и прибавлением к ним многих посторонних периодических изданий⁴; завел другие три типографии, несколько книжных лавок в Москве и других городах, учредил с позволения правительства Типографическую компанию...»⁵, выпустил 455 книг, из которых, по словам С.Н. Шевырева, только шесть были запрещены.

Знакомьтесь: Комиссия народных училищ

Комиссия народных училищ (или иначе — Комиссия об учреждении училищ) была создана по именному указу Екатерины II от 7 сентября 1782 г. Комиссия должна была разработать и осуществить план развития начальной школы в Российской империи («народное училище» в переводе на современный язык — это и есть начальная школа). Председателем Комиссии был назначен граф П.В. Завадовский, его коллегами и ближайшими помощниками стали академик Санкт-Петербургской Академии наук Ф.-У.-Т. Эпинус и выдающийся педагог Ф.И. Янкович де Мириево.

Среди поручений, сформулированных в высочайшем указе по поводу «учреждения народных училищ», было и такое: «собрать и перевести потребные к тому книги»⁶. Но фактически это означало, что на Комиссию народных училищ возлагается обязанность еще и выпускать в свет подобные книги.

До 1786 г. Комиссия народных училищ не располагала собственной типографией —

следовательно, печатать учебную литературу для начальных школ она могла только «на стороне». Комиссия считалась «казенным заведением», поэтому было бы логично, чтобы ее партнером по части книгоиздания стало какое-нибудь другое «казенное заведение», обладавшее типографией: тот же Сенат или Академия наук. Но Екатерина II почему-то распорядилась печатать готовившиеся Комиссией учебные издания в частной типографии, принадлежавшей петербургскому книгопродавцу Б.Ф. Брейткопфу. Следуя повелению императрицы, Комиссия заключила с Брейткопфом договор, по которому книги, предназначенные для «народных училищ», могли печататься только в его типографии, и ни в какой другой. Договор был рассчитан на 6 лет.

Включение издательской деятельности в круг обязанностей Комиссии народных училищ означало, что Комиссии предоставляется исключительное право на выпуск подведомственной ей учебной литературы. В XVIII в. такое право воплощалось в виде особой — издательской — привилегии, которой в то время обладали все «казенные заведения», занимавшиеся изданием книг (включая Академию наук, Сенат, Синод), а также ряд частных типографчиков. Привилегии предоставлялись издателям с монаршего соизволения. С помощью привилегий власти преследовали двойную цель — обеспечить охрану издательских коммерческих интересов и сохранить цензурный контроль над выпускаемой печатной продукцией.

Между тем привилегии, принадлежавшие «казенным заведениям», соответственно имели исключительно казенный характер. Целью их было обеспечение государственной монополии в сфере издания и распространения печатной продукции. Это в полной мере касалось и Комиссии народных училищ. Поскольку развитие начального образования в России имело государственное значение, привилегия Комиссии народных училищ, по существу, представляла собой

монополию государства на издание и продажу всей учебной литературы, выходящей в стране и предназначенной для «народных училищ». И хотя специальных законов, дававших Комиссии издательскую привилегию, до 1784 г. не было, такую привилегию она получила, что называется, по умолчанию, автоматически. Должно быть, ни императрице, ни Завадовскому со товарищи и в голову не приходило, что кто-нибудь посмеет покушаться на исключительное право Комиссии народных училищ. Но не прошло и 2 лет, как это случилось.

Контрафактор Новиков: курьёз или позиция?

В августе 1784 г. на имя московского главнокомандующего графа З.Г. Чернышова от Комиссии народных училищ поступило письмо-«отношение». В этом письме Комиссия сообщала о том, с каким удивлением она обнаружила в каталоге книжной лавки Московского университета «две книги из изданных ею по высочайшему повелению для употребления народных училищ, а именно: “Сокращенный катехизис” <...> и “Руководство к чистописанию”». Далее Комиссия просила провести расследование, «кем и сколько оных книг в Москве напечатано и с чьего дозволения», все контрафактные экземпляры книг продать, а деньги отдать ей, «поелику ей одной продажа оных принадлежит»⁷. Эту сумму предполагалось направить на нужды открывавшихся «народных училищ».

Пикантность ситуации состояла в том, что московский главнокомандующий должен был найти и наказать за контрафакцию... самого себя. Как утверждал впоследствии Новиков, именно граф Чернышов, его покровитель, распорядился напечатать и продать «возможно дешевле» названные в «отношении» и еще другие две книги — «Букварь» и «Руководство учителям»⁸. Однако анекдота, даже скверного, из этого

дела не вышло. Письмо не застало адресата в живых: граф Чернышов умер 24 августа 1784 г. Тем не менее расследование было начато, причем под присмотром самого московского обер-полицеймейстера генерал-поручика Н.П. Архарова.

Справедливости ради надо сказать, что допущенная Чернышовым и Новиковым контрафакция не явилась чем-то из ряда вон выходящим. Нарушения издательских привилегий, которыми располагали «казенные заведения», происходили и до описываемого инцидента. Рост числа частных типографий, ставший почти бесконтрольным после указа о «вольных типографиях» 1783 г., нес угрозу государственной монополии в издательской сфере. Отсутствие четких законов, которые определяли бы объем издательских прав, принадлежащих «партикулярным» лицам и казенным заведениям, приводило к тому, что некоторые содержатели и владельцы частных типографий вольно или невольно становились контрафакторами.

Так, в начале 1777 г. петербургские типографчики И.Я. Вейтбрехт и К.И. Шнор перепечатали выпущенную Священным Синодом «Гражданскую азбуку с кратким катехизисом и молитвами» и пустили ее в продажу по 10 копеек за экземпляр (синодальное издание стоило 14 копеек). По существу, типографчики нарушили условия собственной привилегии, выданной им годом ранее. Этот факт сам по себе был достаточен для того, чтобы «осадить» контрафакторов, но Синод потребовал от Главной полицеймейстерской канцелярии конфисковать все не распроданные экземпляры самовольно изданной «Азбуки», сославшись на обнаруженные в них опечатки.

В конце 1779 г. некто Х.-Ф. Клеэн, арендовавший типографию Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, без разрешения Академии наук перепечатал выпущенный ею ранее Месяцеслов на 1780 г. В наказание за нарушение академической привилегии Сенатским указом от 20 фев-

раля 1780 г. предписывалось все отпечатанные Клеэном экземпляры календаря доставить в Академию наук, «не производя им продажи».

Поэтому неудивительно, что власти обратили на Новикова самое пристальное внимание. 11 октября 1784 г. его вызвали на допрос в московскую Управу благочиния — или попросту в полицию. На допросе издатель утверждал, что все напечатанные или готовившиеся к печати книги, о правах на которые заявила Комиссия народных училищ, граф Чернышов приказал «употребить в продажу для пользы народных училищ и всей публики по апробованным его сиятельством ценам»⁹. Показания Новикова были подтверждены обоими адъютантами графа Чернышова — полковниками И.П. Тургеневым и Н.Ф. Ртищевым.

Таким образом, по-видимому, Новиков стал контрафактором поневоле и вся ответственность за его проступок должна была лечь на его покровителя графа Чернышова? Историк русской литературы М.Н. Лонгинов склоняется именно к такому выводу. Однако, по словам правоведа А.П. Мальшинского, Новиков не считал свои действия проступком и на допросе прямо заявил, что «для пользы народного просвещения» он «намерен так же поступать и впредь»¹⁰. Значит, это было не просто добросовестное выполнение начальственной воли, но и, в не меньшей степени, сознательный поступок.

Как бы то ни было, Комиссия народных училищ, исходя из факта контрафакции, обратилась с жалобой на Новикова в Сенат. Комиссия просила об «общем запрещении» перепечатывать издаваемые ею учебные книги, что позволило бы оградить исключительное право на их печатание и соблюсти «пользу казны» (по расчетам Комиссии доходы с продажи книг впредь могли заменить часть казенных расходов по училищам). Кроме того, Комиссия напоминала, что все ее издания «собственноручным Ее Императорского Величества подписанием конфи-

муются» и что она, «обязана будучи смотреть за совершенным оных единообразием, не может за неисправность, без ведома ее печатанных, ответственать»¹¹.

Как и следовало ожидать, Сенат безусловно поддержал требования «потерпевшей стороны» и указом от 1 ноября 1784 г. подтвердил исключительные права Комиссии народных училищ. Контрафактные экземпляры учебников, отпечатанные Новиковым, были отобраны в ее пользу.

Через 2 года Комиссия народных училищ преобразовалась в Главное правление училищ, а принадлежавшая ей привилегия получила повторное подтверждение в Уставе народных училищ от 5 августа 1786 г. Согласно § 110, Главному правлению учи-

лищ дозволялось «завести и содержать собственную свою книгопечатню с другими мастерскими палатами, какие для печатания книг, вырезывания ландкарт и прочих училищных надобностей могут быть потребны, или также по благорассуждению печатать книги и вырезывать ландкарты у вольных мастеров»¹². За Главным правлением признавалось исключительное право на печатание и продажу учебных и других изданий. Их перепечатка «без дозволения Главного училищного правительства» была запрещена.

В 1802 г., когда в России создавались министерства, Главное правление училищ стало ядром новообразованного Министерства народного просвещения.

* * *

¹ Так, за первую книжку журнала «Живописец» Екатерина II подарила Новикову 200 руб., а за «Древнюю российскую вивлиофику» — 200 голландских червонцев. Подобных «премий» удостоивались многие современники Новикова, занимавшиеся литературой. Среди них —

М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, М.М. Херасков, Я.Б. Княжнин.

² Указом от 15 января 1783 г. Екатерина II легализовала существование частного сектора в отечественном книгоиздании.

³ В 1773–1778 гг. типографию Московского университета арендовал книгопродавец Х.-Л. Вевер: он печатал в ней преимущественно музыкальную литературу.

⁴ В том числе журналы «Детское чтение», «Экономический магазин», «Утренний свет», «Вечерняя заря», «Магазин натуральной истории, физики и химии», «Московскую немецкую газету» и др. — А.Б.

⁵ Шевырев С.Н. История императорского Московского университета, написанная к его столетнему юбилею. 1755–1855. — Репринт. изд.-е. — М., 1998. — С. 217.

⁶ 1-е Полн. собр. законов Рос. империи. — СПб., 1830. — Т. XXI. — № 16507.

⁷ Цит. по: Лонгинов М.Н. Сочинения. — М., 1915. — Т. 1. — С. 222–223.

⁸ См.: Лонгинов М.Н. Указ. соч. — С. 223. По другим сведениям, это были «Руководство к арифметике» и «Правила для учащихся».

⁹ Цит. по: Лонгинов М.Н. Указ. соч. — С. 223–224.

¹⁰ Мальшинский А. Международная охрана литературного труда (По поводу открытого письма Эмиля Золя к русской печати) // Рус. вестник. — 1894. — № 2. — С. 235.

¹¹ 1-е Полн. собр. законов Рос. империи. — Т. XXII. — № 16086.

¹² Там же. — № 16421.

М.М. Херасков: Штрихи к портрету первого цензора Московского университета

Олег Бакулин

Статья посвящена жизни и деятельности известного литератора, издателя и общественного деятеля XVIII столетия, первого цензора Московского университета Михаила Матвеевича Хераскова.

Ключевые слова: М.М. Херасков, Екатерина II, Н.И. Новиков, Московский университет, цензура, типография, масонство, «Россиада»

Поступив на службу в Московский университет в год его основания, Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807) вошел в историю как один из ректоров и первый цензор университета, крупнейший литератор и издатель своего времени. Будучи сам, по словам известного издателя Н.И. Новикова, «человеком острым, ученым и просвещенным», Херасков без малого сорок лет посвятил развитию просвещения и наук в стенах молодого Московского университета. С его именем связано развитие издательского дела в университете и, во многом способствовавшая этому, аренда Н.И. Новиковым университетской типографии. Именно Хераскову удалось добиться чтения лекций «природными россиянами на российском языке». Вместе с тем, его имя связано с введением жесткого контроля над каждым печатным и произнесенным профессорами словом: М.М. Херасков стал первым цензором Московского университета.

Коллежский ассессор и поэт

Столь необычная карьера начиналась вполне заурядно — уроженец города Переяславля Полтавской губернии, М.М. Херасков десяти лет отроду был определен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, где не без влияния А.П. Сумарокова начал писать первые стихи. По окончании корпуса М.М. Херасков продолжил службу в Ингерманландском пехотном полку, однако уже три года спустя, оставив военную службу, в качестве титулярного советника был переведен в Коммерц-коллегию. Не прошло и года, как, узнав об открытии Московского университета, Михаил Матвеевич оставляет коллегию и, переехав в Москву, получает место в университете в ранге коллежского ассессора.

Объем работы, с которым Хераскову пришлось столкнуться на новом месте, огромен: он заведует учебной частью, студенческими делами, университетской библиотекой и работой типографии, а вскоре в его ведение переходят минералогический кабинет и театр при университете. Любительские спектакли возглавляемого Херасковым театра уже через несколько лет становятся важной частью культурной жизни Москвы. Как автора оды в честь коронации Екатерины II, его вместе с А.П. Сумароковым и основателем первого русского театра Ф.В. Волковым приглашают также для устройства уличного маскарада «Торжествующая Минерва», посвященного коронации августейшей особы.

К этому же времени относится начало активной издательской деятельности М.М. Хераскова. Объединив вокруг себя талантливых литераторов, он организует издание в университетской типографии журналов «Полезное увеселение» (1760–1762), «Свободные часы» (1763), «Невинное упражнение» (1763) и «Доброе намерение» (1764). В этих изданиях нередко публиковались сочинения самого Хераскова, переводы од Горация и сочинения молодых литераторов, среди которых особо отметим братьев Фонвизиных и Д.С. Аничкова.

Сам М.М. Херасков в это время создает поэму «Плоды наук», посвященную Великому князю Павлу Петровичу, трагедию «Венецианская монахиня» и поэму «Храм Славы». В 1760 гг. им написано большинство моралистичных и нравоучительных стихотворений, объединенных в сборниках «Новые оды», «Нравоучительные басни» и «Философические оды или песни».

Первый цензор

С 1762 г. связан новый этап в жизни М.М. Хераскова: его назначают первым официальным цензором изданий, публикуемых в Московском университете. Как следовало из ордера И.И. Шувалова, должность «особливого» цензора вводилась «для рассматривания книг и протчих сочинений, которые отдаются печатать от всякого звания людей в типографию Московского университета дабы не оказалось что-нибудь не благопристойное или противное доброму разумению...». Вместе с тем, на Хераскова возлагалась не менее важная задача: ввиду того, что университет, по словам И.И. Шувалова, находился в «особливой протекции» Её Императорского Величества, Хераскову предписывалось следить и за тем, «дабы без отлагательства именем всего университета приносимы были Е. И. В. в особливые дни поздравления».

Через несколько лет после введения в университете цензуры, 3 мая 1768 г., М.М. Херасков издает предписание «О предварительной цензуре профессорских речей». Появление этого документа было вызвано публикацией во время болезни Хераскова речей двух профессоров университета, в которых «оказались некоторые сумнительства и дерзновенные выражения». Имелась в виду речь профессора Третьякова «Слово о происшествии и учреждении университетов в Эвпропе», имевшая антиклерикальный характер, и речь Эразмуса «Слово о нынешнем состоянии медицины в России», автор

которого полагал, что «врачебное искусство в России ниже других почитается». Во избежание впредь подобных «непорядков», Херасков настаивал «дабы... всякие речи, приготовляемые для публичного чтения, вносимы были в общее собрание университетской Конференции», где бы были «прочтены и рассмотрены».

Несмотря на то, что, став цензором, М.М. Херасков освобождался от «прочих должностей», уже в 1763 г. он был произведен в директоры (ректоры) университета. Пять лет спустя по его инициативе началось печатание в университетской типографии многотомной «Истории Российской с самых древнейших времен» В.Н. Татищева — первого фундаментального исследования по истории России, охватывающего период с древнейших времен до конца XVI века. А в 1770 г. типографией Московского университета было издано первое «Собрание 4291 древних российских пословиц».

Новый директор стал также активным сторонником популяризации русского языка — им было внесено предложение о переводе на русский язык хранящейся в университете учебной литературы. Вопреки сопротивлению куратора В.Е. Адодурова, М.М. Херасков добивается именного разрешения императрицы на преподавание в университете на русском языке, а не на принятой в то время в научных кругах латыни.

В письме секретарю Екатерины II С.М. Кузьмину от 13 ноября 1767 г. М.М. Херасков, ссылаясь на устное распоряжение императрицы о том, «чтобы лекции в университете на русском языке преподаваемы были», просил «утвердить сие высочайшее намерение письменно». И хотя ответ Екатерины на письмо Хераскова не найден, вряд ли случайным стало появление в январе 1768 г. в «Московских ведомостях» сообщения о начале в Московском университете «для лучшего распространения в России наук... лекций во всех трех факультетах» для «природных россиян на русском языке».

Столь ревностное отношение к своим обязанностям не осталось незамеченным монаршей особой. Не случайно, во время путешествия Екатерины II по Волге в 1767 г. М.М. Херасков оказывается среди приближенных императрицы, работающих над переводом «Энциклопедии» — его перу принадлежат переводы статей о поэзии, словесных науках и магии.

Однако уже три года спустя, в 1770 г., Херасков неожиданно становится Вице-президентом Берг-коллегии — учреждения, занимавшегося далекими от литературы и науки проблемами развития горно-рудной промышленности в России. По долгу службы он покидает Москву и переселяется в Петербург. По словам профессора А.В. Запалова, причина столь неожиданного решения Екатерины «заклучалась не в том, чтобы назначить Хераскова на новое место, а в том, чтобы удалить его со старого». Причиной его фактической высылки из Москвы стала, по мнению А.В. Запалова, принадлежность Хераскова к масонам. Членов этой тайной политической организации Екатерина II, некогда узурпировавшая власть, подозревала в пособничестве ее сыну Павлу, также претендовавшему на Российский престол. Очевидно, что именно членство Хераскова в масонской ложе, а также его влияние на университетскую молодёжь стали причиной столь странной «ссылки в столицу», где за ним было бы проще «приглядывать» монаршему оку.

Петербургская ссылка

Обосновавшись в столице, Михаил Матвеевич продолжает заниматься литературной деятельностью. Период с 1771 по 1779 гг. — время работы М.М. Хераскова над главным произведением его жизни — поэмой «Россиада» — героической эпопеей, прославлявшей могущество России и ее победу над Казанским ханством. Работая над ней, М.М. Херасков использовал исторические

источники и исследования, среди которых были сочинения В.Н. Татищева, «История о великом князе Московском» Андрея Курбского, «Казанский летописец», «Летописец царя и великого князя Ивана Васильевича» и даже «Слово о полку Игореве».

Исторические события сочетались в поэме с многочисленными элементами народного фольклора и фантастики, а «героические» песни — с «романтическими». Произведение, к тому же, было написано александрийским стихом, то есть соответствовало литературным канонам своего времени. Напряженная работа над поэмой принесла свои результаты — «Россиада» стала одним из крупнейших законченных литературных произведений XVIII столетия, опубликованных в Российской Империи.

В годы «петербургской ссылки» М.М. Херасков основал у себя дома литературное общество, куда входили, среди прочих, такие любители российской словесности, как И.Ф. Богданович, В.И. Майков и А.А. Ржевский. Не оставил Херасков и своей издательской деятельности — с его именем связано появление первого российского альманаха «Российский Парнас», а в период с 1772 по 1773 гг. он издает журнал «Вечера», в котором публикует преимущественно свои сочинения. В это же время он еще теснее сходит с Н.И. Новиковым и приглашает его в одну из масонских лож. Активная масонская деятельность М.М. Хераскова становится столь заметной, что уже в 1775 г. Екатерина II высочайше повелевает уволить его в отставку, причем, без сохранения жалованья.

Тяжело переживаемая Херасковым опала длилась около четырех лет, пока, наконец, в 1778 году он не вернулся в Московский университет. Примечательно, что в это же время им была издана «Россиада». Появление поэмы пришлось как нельзя кстати — семидесятые годы XVIII века — время активной внешней политики Екатерины II и борьбы России с мусульманской Османской Империей. Смогла ли императрица высоко оценить

безусловные художественные достоинства произведения, или же она попросту сочла поэму своевременной — сказать трудно. Так или иначе, ее отношение к опальному литератору меняется.

Второй куратор

В 1778 г. после отъезда за границу куратора университета И.И. Мелиссино, сохранившего за собой кураторское звание, Михаил Матвеевич становится вторым куратором университета. Занимая эту должность, он выступает инициатором открытия Вольного Благородного пансиона при университете, воспитанниками которого позднее стали В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский, Ф.И. Тютчев и М.Ю. Лермонтов. А в 1781 г. при активном участии второго ректора было открыто «Собрание университетских питомцев», созданное для совместного чтения и обсуждения произведений, принадлежащих перу молодых преподавателей и студентов университета. Вскоре по инициативе М.М. Хераскова при Московском университете появилось Ученое Дружеское общество, целью которого являлось воспитание посредством печатания и распространения учебной литературы.

Но, пожалуй, наиболее значимым событием в истории Московского университета в этот период стала деятельность Н.И. Новикова, арендовавшего университетскую типографию сроком на десять лет в 1779 г. Именно издательская деятельность Н.И. Новикова, закончившаяся монаршим запретом возобновить контракт об аренде типографии, стала одной из причин охлаждения императрицы к М.М. Хераскову. От готовившейся отставки его спас фаворит Екатерины П.А. Зубов, поддавшийся на уговоры Г.Р. Державина.

В годы опалы М.М. Херасков с удвоенной энергией занимается сочинительством. Так, в 1793 г. он пишет «Оду на присоединение к Российской империи от Польши областей»,

СМИ ОТЕЧЕСТВА

прославляющую проведенные Екатериной II совместно с союзниками разделы Польши, однако Ода, кажется, не была замечена императрицей.

Кончина Екатерины Великой и приход к власти Павла I улучшили довольно шаткое положение М.М. Хераскова — его влияние в Московском университете усиливается, чему в немалой степени способствовало назначение на должность директора университета видного масона И.П. Тургенева. Обиженного Екатериной Хераскова ее сын, Павел Петрович, едва взойдя на престол, производит в Тайные советники и жалует орденом Святой Анны I степени, дав в придачу 600 душ крепостных. В начале 1801 года М.М. Херасков выходит в отставку, но вскоре по велению теперь уже молодого императора Александра I, вновь становится куратором университета. Однако уже год спустя, в 1802 г., недовольный проводимой императором политикой, он вновь, и теперь уже навсегда покидает Мос-

ковский университет в чине действительного тайного советника.

Выйдя в отставку, М.М. Херасков все свои силы отдает литературной деятельности. Именно в это время появляется трагедия «Зореида и Ростислав» и стихотворение «Солнце», опубликованные уже после смерти автора, скончавшегося осенью 1807 года.

Наступающий «Золотой век» русской поэзии привнес в историю Отечественной культуры новые имена, поэтому пушкинское поколение едва ли могло относиться к творчеству М.М. Хераскова с тем же пиететом, с каким отзывались о нем его современники. Однако общественная деятельность М.М. Хераскова, посвятившего большую часть жизни служению молодой Российской науке в стенах Московского университета, и два столетия спустя позволяет говорить о нем как о выдающемся деятеле своей эпохи.

А.П. Чехов и А.С. Суворин. Искренняя дружба или личная выгода?

Ольга Бойчук

В статье анализируются взаимоотношения А.П. Чехова и А.С. Суворина. Их деятельность рассматривается с учетом как биографических подробностей личного характера, так и реалий общественно-политической и культурной жизни России того времени.

Ключевые слова: А.П.Чехов, А.С.Суворин, «Новое время», издатель.

А.П. Чехов и А.С. Суворин. Эти два имени связаны между собой очень тесно, существуют разные мнения кто кому больше дал, кто от кого больше зависел. Правда, при имени Суворина часто вспоминают о Чехове, но поклонники Чехова могут даже и не знать о Суворине. Чтобы попытаться понять их отношения, необходимо представлять, с чем они пришли друг к другу. В 1886 г. Суворину было 50 лет, а Чехову — 26. Они были разделены целой четвертью века и представляли разные поколения.

Чехов: начало пути

А.П. Чехов, будучи еще студентом Московского университета, под псевдонимом Чехонте с 1879 г. начал публиковать мелкие рассказы в юмористических изданиях — «Стрекозе», «Будильнике», «Осколках» и других. Вскоре сотрудничество Чехова с московскими юмористическими журналами не ограничивалось только «Зрителем» и «Будильником»: молодого писателя начали

печатать и в «Москве», «Мирском толке», «Свете и тенях», «Новостях дня», «Спутнике», «Русском сатирическом листке», «Развлечении», «Сверчке». В 1880 г. было опубликовано девять произведений Чехова, а в 1883 г. их число уже превысило сто.

Чехов с головой окунулся в московский журнально-газетный мир, быстро научившись ориентироваться в его джунглях. В мае 1883 г. Чехов пишет: «Пастухов водил меня ужинать к Тестову, пообещал 6 коп. за строчку. Я заработал бы у него не сто, а 200 в месяц. Но ... лучше без штанов... на визит пойти, чем у него работать... чем брать деньги за подлое, за глумление над пьяным купцом». В это время, видимо, выходит и первый рассказ под собственной фамилией.

По рекомендации поэта Л.И. Пальмина, Чеховым заинтересовался издатель петербургского юмористического журнала «Осколки» Лейкин. В 1883 г. Чехов стал корреспондентом «Осколков» в Москве. Лейкин сразу распознал сатирический талант Чехова. Через много лет в конце жизни Лейкин бил себя кулаком в грудь и гордо кричал в литературных салонах: «Это Я сделал Чехова!» Он подрядил Чехова поставлять в свой журнал «Осколки» еженедельно по рассказу в сто строк, положив ему солидный гонорар по восьми копеек за строчку, и строго следил, чтобы не было ни одной лишней строки. Так молодой писатель прошел жестокую, но полезную школу: волей-неволей ему приходилось вкладывать необходимое содержание в небольшой объем, писать кратко и емко. С 1880 по 1885 гг. Чехов написал триста рассказов! Однако Лейкин не принимал «серьезного» творчества Чехова и так ушел из жизни с сознанием, что Чехов, расставшись с юмористикой, загубил себя.

Вскоре навязанные «Осколками» рамки размеров и жанра начали Чехова тяготить, и в 1885 г. Лейкин устроил Чехову договор с «Петербургской газетой»: туда последний должен был каждую неделю писать рассказы более длинные и серьезные за те же

восемь копеек за строчку. В декабре 1885 г. А.П. Чехов отправился в первый раз в Петербург, где он «познакомился с редакцией «Петербургской» газеты» и «был принят как шах персидский... Суворин, Григорович, Буренин... все это приглашало, воспевало»¹. В Петербурге произошли важнейшие для всей жизни встречи — с Д.В. Григоровичем и А.С. Сувориным.

В издательстве Суворина А.П. Чехова хотели бы видеть в числе постоянных авторов. Предложение о сотрудничестве было сделано почти сразу, в декабре 1885 г. Суворин не связывал Чехова ни с определенной тематикой, как «Осколки», ни объемом произведения, как в «Петербургской газете». Он получил возможность не торопиться и публиковать те произведения, которые ему хотелось, раскрывая все грани своего таланта.

Суворин: журналист и издатель

А.С. Суворин начинал как преподаватель истории и географии в городе Боброве. В 1859 г. он переехал в Воронеж, где участвовал в альманахе «Воронежские беседы». А с 1863 г. он переехал в Петербург, где стал ближайшим сотрудником коршевских «С.-Петербургских ведомостей» и начал писать там под псевдонимами «А. Бобровский» и «Незнакомец». Это был расцвет Суворина как журналиста. Его фельетонами зачитывались. От него доставалось сильным мира сего, за что он и был приговорен на целые полгода к тюремному заключению. Он сотрудничал в «Современнике» и «Отечественных записках». В 1866 г., за издание сборника «Всякие» был даже привлечен к суду.

Став издателем «Нового времени» в 1876 г., Суворин вначале пытался придать газете умеренно-либеральное направление, но уже к концу 1870-х гг. газета стала охранительным органом. В 1876 г. совместно с В.И. Лихачевым А.С. Суворин купил газе-

ту «Новое время». Его трудолюбие сделало издание популярным не только в Петербурге, но и в России. Тираж газеты доходил до 60000 тыс., и выходила она каждый день двумя изданиями — утром и вечером. «Я люблю свою газету больше семьи своей, больше жены своей», — признался однажды А.С. Суворин.

Никто не мог и предположить, что «Новое время» явится не продолжателем «С.-Петербургских ведомостей», а, наоборот, — их антиподом. Став единоличным владельцем газеты, Суворин быстро расстался не только со многими из бывших сотрудников, но и с либеральными идеями. Редактор полубульварного «Петербургского листка» А.А. Соколов, явно симпатизируя Суворину, объяснял случившееся просто: «Если бы Суворин продолжал проводить либеральные идеи, которые он проводил в качестве сотрудника «Петербургских ведомостей», ему пришлось бы подвергнуть свою газету административным карам, даже, может быть, подвести и под запрещение. Приходилось выбирать: или значительно поступиться своими прогрессивными идеями, или сохранить издание».

Круто изменив направление газеты, Суворин был вынужден переориентироваться на новую читательскую аудиторию, завоевать «улицу». «Все ругали беспринципное «откровенное» «Новое время», но все читали бойкую, живую, интересную и полную газету, так что в 6 часов вечера на Невском ни у одного газетчика нельзя было найти сегодняшнего номера», — отмечал современник. Сравнительная легкость, с какой Суворину удалось завоевать «улицу», во многом объяснялась интересом широкой городской массы к событиям на Балканах, особенно в период русско-турецкой войны.

К концу 1870-х гг. «Новое время» превратилось, по мнению цензуры, в самую «умеренную и благонамеренную» из петербургских газет. Салтыков-Щедрин писал: «Девиз «Нового времени» — неуклонно идти вперед, но через задний проход ...

ужасно хочется, чтобы гнусная газетеночка хлопнулась, но много еще людей глупых, и успеху «Нового времени» пока еще ничто не грозит». Впрочем, качество газеты практически никогда не удовлетворяло и самого Суворина. В «Дневнике» он признавался: «Читал «Новое время». Длинно и бесцветно ужасно».

Как издатель Суворин был универсален. В каталоге его издательства — «Библия в картинах знаменитых мастеров» соседствовала с «Половым вопросом» А. Фореля, «К познанию России» Д.И. Менделеева с «Вегетарианским столом» Т. Кузминской. Пестрота выпускаемой литературы объяснялась не «демократическим литературным духом» издательства, как писал его сын, а отсутствием в его деятельности определенной направленности, влиянием на ход дела многих лиц, в том числе, естественно, и главы фирмы. А.С. Суворин издавал беллетристику, учебники, пособия, руководства, стараясь избегать всего, что могло своей крайностью скомпрометировать издательство в глазах общественного мнения. Да и в «Новом времени» он публиковал самые разнообразные мнения, и в его редакции часто сходились люди, давно избегавшие друг друга. Естественно, что его неприятно поражали нападки на газету, но, выбрав однажды путь компромисса, он уже не мог повернуть назад. В одном из своих писем он писал: «Меня упрекали в том, что я флюгер. Я совсем не флюгер. Но, будучи человеком, не получившим солидного и серьезного образования, принужденный постоянно учиться, постоянно читать и на лету схватывать знания, давал свободу мнениям и заботился, главным образом, о литературной форме»...

Значительные слабости характеризовали и предпринимательскую деятельность А.С. Суворина. Все отделения книжных магазинов, которыми хвалился Суворин, были малорентабельны. Организационные неурядицы во многом объяснялись бесплановостью книгоиздания. Цены устанавливались

«на глаз», в зависимости от того, как мыслится успех книги у читателя. «Мы выводим фиктивные цены», — с полной откровенностью признавался управляющий типографией в одном из писем 1894 г.

Начало сотрудничества. Или дружбы?

А.П. Чехов однако, по словам Гиляровского, считал, что современники недостаточно объективно оценивали издательскую деятельность Суворина и не понимали, какое значение для развития российской культуры имела «Дешевая библиотека». Чехов особенно высоко оценивал именно это начинание Суворина, прежде всего за входившее в нее собрание сочинений Пушкина². Оно было первым в ряду массовых изданий, и одним из главных его достоинств была дешевизна: цена за томики «Библиотеки» никогда не достигала гривенника. Современники же неоднозначно оценивали «Дешевую библиотеку». Злые языки называли ее «Библиотекой мертвых», так как многих авторов уже не было в живых (особенно много было из Древней Греции и Рима). «Дешевая библиотека» предназначалась для городских читателей, «большой публике маленьких кошельков». Однако в труде «Что читать народу», составленном группой деятелей по народному образованию во главе с Х.Д. Алчевской, утверждалось, что «подавляющая часть входящих в серию изданий не может быть рекомендована для массовых библиотек».

Долгая дружба Чехова с Сувориным, сотрудничество в «Новом времени» — как совмещалось все это с чеховскими убеждениями, с чеховской принципиальностью? Версия М.П. Чехова сводилась к тому, что Суворин к моменту встречи с Чеховым практически утратил всякое влияние на «Новое время». «А.С. Суворин почти отстранился от нее, выступал в ней только в пламенных «Маленьких письмах», в которых все еще

можно было узнать прежнего «Незнакомца», и весь ушел в изучение эпохи Смутного времени, в беллетристику, историю литературы и в драматургию... А.С. Суворин широко развернул книгоиздательство, безгранично удешевил книгу...».

С началом сотрудничества с «Новым временем» в жизни Чехова появился относительно надежный гонорар, возможность печатать рассказы без построчных ограничений и под настоящей фамилией. Поэтому с 1887 г. почти все книги А.П. Чехова выходили у Суворина. Под влиянием крупного успеха у публики и критики Чехов бросил свой прежний жанр небольших газетных очерков, став по преимуществу сотрудником ежемесячных журналов («Северный Вестник», «Русская Мысль», позднее «Жизнь»). Однако уже с первого же сборника («В сумерках») Чехов смог почувствовать на себе все неразберихи суворинского издательства. Суворин из-за личных проблем³ в это время совсем не заботился о выходе каких-либо книг в своей типографии, что отмечал писатель: «Суворин заботится только о ходе типографских работ, и то — косвенно, все остальное лежит на мне». И все-таки 7 октября 1888 г. императорская Академия наук за сборник «В сумерках» присудила А.П. Чехову половинную пушкинскую премию.

Около двенадцати лет Суворин был почти монопольным издателем чеховских книг, но, по признанию К.И. Чуковского, аппарат издательства был поставлен так хищнически, что за все годы Чехов по самым умеренным выкладкам получил вдвое меньше того, что мог бы получить у другого издателя. В апреле 1888 г. А.П. Чехов писал Ал.П. Чехову: «В книжной торговле Суворина беспорядки свирепые... книга моя идет хорошо, а достать негде».

В августе 1894 г. Антон Павлович получил счет из магазина Суворина, который вел торговлю его книгами, по которому вышло, что за истекшие годы долг писателя Суворину не уменьшился, а возрос. Чехов

привык вести денежные дела, основываясь на доверии, потому на этот раз он вынужден был высказать Суворину свои недоумение и сомнения. Распутать это дело взялся Потапенко. Последний выяснил, что Чехов должен не семь тысяч, а меньше тысячи и что в магазине находится еще немало непроданных книг, уже выкупленных у типографии.

В августе 1898 г. Чехов предложил Суворину издать Собрание своих сочинений. Писатель руководствовался при этом не столько материальными соображениями, сколько заботой о приведении в порядок своего литературного наследства: «В пользу моего намерения говорит и то соображение, что пусть лучше проредактирую и издам я сам, а не мои наследники». Суворин принял предложение, и подготовка Собрания началась. Однако с первого же момента она шла из рук вон плохо и медленно. Поступление средств откладывалось на неопределенное время, а сам Чехов оставался в полной зависимости от суворинской книжной торговли, которая была поставлена плохо и велась не вполне добросовестно. Авторам здесь практически было невозможно учесть ни количество изданных, ни количество проданных экземпляров. Плюс ко всему вечная бухгалтерская путаница при расчетах. В этих условиях А.П. Чехов начал переговоры с издателем А.Ф. Марксом, который предложил писателю продать право собственности на его сочинения.

Конфликт и расхождение: дело Дрейфуса

Не разделяя взглядов «Нового времени», А.П. Чехов высоко ценил самого Суворина, отделяя его от газеты, и дорожил его дружбой. В первые годы сотрудничества он писал ему искренние письма, откровенно высказывая в них свои мысли и переживания, что свидетельствовало о близких отношениях, существовавших между опытным публицистом и молодым писателем. Их пе-

реписка продолжалась годы и прервалась только во время известного процесса Дрейфуса, когда «Новое время» стало на сторону его обвинителей.

И.Н. Альшуллер писал, что Чехова «часто упрекали за дружбу с Сувориним. Но Чехов всю жизнь помнил, что Суворин, Григорович, Плещеев и Полонский первые обратили на него внимание, когда он еще был Антошей Чехонте, и первые помогли ему выбраться из «Осколков» и «Будильника», и он сохранил к Суворину благодарность навсегда. Он не раз, и всегда с большим волнением, рассказывал, как в начале его писательской карьеры встретила его серьезная критика, как Скабичевский писал, что ему «суждено умереть пьяным под забором»⁵.

Чехов с самого начала знал, в какую газету он поступает. Еще 8 мая 1881 г. он писал своему школьному товарищу С. Крамареву: «Да приснятся тебе Киево-Елисаветградское побоище, юдофоб Лютостанский и сотрудники «Нового времени», имея в виду нападки «Нового времени» на евреев. Своему брату Чехов признавался: «Общественное мнение оскорблено и убийством Надсона, и кражей из издания Литературного фонда⁶ и другими злодеяниями Суворина. Галдят повсюду и возводят на Суворина небывилицы. Говорят, например, что он сделал донос на одного издателя, который якобы выпустил Пушкина за два дня до срока»⁷.

Но с годами чеховские суждения о Суворине становились все более трезвыми и острыми. А в 1901 г. Чехов скажет М.П. Чехову: «Суворин ужасно лжив, особенно в так называемые откровенные минуты, т.е. он говорит искренне, быть может, но нельзя поручиться, что через полчаса же он не поступит как раз наоборот». Со временем Чехов понял, что никакого «противовеса» в «Новом времени» не допустят, что газета делается не Бурениным или Розановым — весьма влиятельными, но все же второстепенными людьми в редакции. «Думать о поднятии нововременской репутации — значит не

иметь понятия о русском обществе», — сказано им в 1901 г.

Суждения А.П. Чехова о «Новом времени» и нововременцах, которые всегда были весьма критичны, становятся в начале XX в. особенно острыми. Уже в период публикации в «Новом времени» «Дуэли», услышав о пересудах нововременцев по тому поводу, что ему уделяют много места в газете, Чехов пишет Ал.П. Чехову: «Попроси Суворина, чтобы он отдал среды... Они мне так же не нужны, как и мое сотрудничество в «Нов[ом] вр[емени]», которое не принесло мне как литератору ничего, кроме зла». Позже он предостерегал брата: «Держись в стороне от этих сукиных сынов и не восхваляй их. Это гнусное племя». Но дружеские отношения Чехова с Сувориным не прерывались долгое время: Чехов исходил из наивного убеждения, что Суворин сам по себе, а «Новое время» с Бурениными само по себе. Только в августе 1893 г. Чехов окончательно перестал печататься в «Новом времени».

Занятая газетой позиция связывала Суворина в политических манипуляциях, заставляла «Новое время» во всем следовать взятому курсу. Особенно остро это проявилось в освещении «Новым временем» процесса над офицером французского генерального штаба А. Дрейфусом⁸, обвиненного в шпионаже. Заявив в самом его начале, что дело Дрейфуса — «это борьба еврейства с христианством, а не борьба из-за человека, неправильно осужденного», Суворин, по сути дела, заранее определил позицию газеты в освещении процесса.

Суворин сравнивал мутную волну национализма с революционным порывом, призванным оздоровить французское общество. Золя он именовал не иначе как автором полупорнографических романов и чуть ли не авантюристом, готовым пойти на все ради уходящей славы. Парадоксально, но все это писал человек, который в свое время напечатал в «Новом времени» роман Золя «Нана» и активно противостоял тем,

кто его подобным же образом квалифицировал.

Русские газеты широко освещали как процесс Дрейфуса, так и процесс Золя, черпая в основном информацию из французских источников. «Новое время» имело в Париже собственного корреспондента И.Я. Павловского, но его материалы не публиковались, так как они не устраивали Суворина. Даже консервативные газеты, сочувственно относившиеся к процессу, отмечали неприкрытую тенденциозность Суворина, способного «из ненависти к Дрейфусу извращать известия, умышленно путать факты и подтачивать сведения — это более чем удивительно и поневоле наводит на толки, не совсем лестные для газеты». Когда же Дрейфус был оправдан и выяснился истинный виновник провокации, Суворин принялся обвинять русскую печать в том, что она за такими пустяками, как процесс какого-то офицера, забыла о более важных делах, в частности, неурожае в Центральной России.

Неудивительно поэтому, что В.В. Стасов считал своим долгом «бороться с этой сволочью из «Нового времени»». «Скверной» газетой, которую не следует читать, называл «Новое время» Л.Н. Толстой. В том же духе отзывался о ней и М. Горький, советуя В.В. Розанову скорее покинуть это «поганое место». А.П. Чехов напряженно следил за газетными сообщениями о деле Дрейфуса. После опубликования открытого письма Эмиля Золя президенту Франции Феликсу Фору, озаглавленного «Я обвиняю», и последовавшего за ним процесса Золя уверенность Чехова в невинности Дрейфуса еще более укрепилась. «У нас только и разговору, что о Золя и Дрейфусе. — Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в невинность Дрейфуса... «Новое время» просто отвратительно»⁹.

М.М. Ковалевский описывал конфликт следующим образом: «Как горячо относился Чехов ко всякой несправедливости, вызываемой национальными или религиоз-

ными счетами, об этом можно судить по его отношению к делу Дрейфуса. Seriously познакомившись с ним, Чехов написал длинное письмо А.С. Суворину, жившему в это время в Париже. Письмо это, как можно судить из ответа, им полученного, произвело ожидаемое действие: уверенность Суворина в виновности Дрейфуса была поколеблена; но это обстоятельство нимало не отразилось на отношении «Нового времени» к знаменитому процессу»¹⁰.

Конфликт «Нового времени» с молодым поколением, обозначившийся в 1878 г., с особой силой проявился в конце XIX века во время студенческих беспорядков 1899 г. Печально известная фраза А.С. Суворина: «Кто не хочет учиться, вон из университетов!», облетевшая страну, вызвала особое возмущение. По словам одного из ближайших сотрудников Суворина, он написал эту сакраментальную фразу под «влиянием минуты... Написал и спохватился, что сделал глупость». Однако Суворин совсем не считал себя виновным. Он записывает в своем «Дневнике»: «я просто посмотрел на столкновение полиции со студентами. Из этого случая захотели сделать политическое событие и сделали»¹¹.

После акции против студентов, от которой открестились даже некоторые министры правительства, «Новое время» превратилось в мишень для оскорбления. Литераторы потребовали, чтобы Суворина судили судом чести. Пытаясь оправдаться, Суворин нервничал, изворачивался, засыпал Чехова письмами и телеграммами, ища его поддержки. В память о прежних отношениях Чехов не отказывал Суворину в советах, но переписка тяготила его. Однако не одобряя взглядов Суворина, Чехов не поддерживал и идею суда чести. В письме А.С. Суворину он писал¹²: «Судить Вас за то, что Вы печатно, совершенно гласно высказали свое мнение (какое бы оно ни было), — это рискованное дело, это покушение на свободу слова». «Объяснения маловыразительны. Надо отстаивать главным образом право журналис-

та свободно, искренно выражать свои мнения. Я лично признаю за Союзом право широкого обсуждения негодования, протеста, чего хотите, но не суда, который считаю в данном случае не соответствующим достоинству писателей и опасным»¹³.

21 января 1899 г. по поручению Чехова П.А. Сергеенко подписал в Петербурге договор с книгоиздательством А. Ф. Маркса об издании собрания сочинений. Это послужило окончанием деловых отношений с издательством Суворина. Дело Дрейфуса оказалось лишь поводом. Причина расхождения Чехова и Суворина в том, что их конфликт носил идейный характер.

Попытка объяснения

Сколько бы ни было утверждений о любви Суворина к Чехову, потеряв право на издание произведений А.П. Чехова, А.С. Суворин не смог избежать искуса и отдал его имя на поругания Бурениным и Ежовым. До нас не дошло ни одного письма Суворина Чехову. После смерти Антона Павловича он все их вытребовал обратно и лишь на этих условиях вручил Марии Павловне письма Чехова. И в юбилейном выпуске газеты «Новое время» к 25-летию газеты среди постоянных сотрудников её не были названы Амфитеатров и Чехов.

Конечно, сотрудничество Чехова и Суворина было плодотворным, однако «Новое время» оказалось для Чехова своего рода ступенькой: без неё, возможно, ему сложно было бы идти дальше. И сам писатель это понимал. В письме Суворину он так писал: «мне теперь остается, по русскому обычаю, поблагодарить Вас. У деловых людей есть поговорка: живи — дерись, расходись — мирись. Мы расходимся мирно, по жили тоже очень мирно, и, кажется, за всё время, пока печатались у Вас мои книжки, у нас не было ни одного недоразумения. А ведь большие дела делали»¹⁴.

СМИ ОТЕЧЕСТВА

* * *

- ¹ ПССП 4 января 1886 г.
- ² В Итогах издательской деятельности Суворин то ли случайно, то ли с умыслом, не ставит помету «Дешевая библиотека» на Собрании сочинений Пушкина
- ³ В 1885 г. умерла дочь Александра и 4-летний сын Григорий, в 1887 году застрелился сын Владимир, летом 1888 г. умер другой его сын, Валериан.
- ⁴ ПССП 29 мая 1887 г.
- ⁵ Альшутлер И.Н. О Чехове // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. Сост. и комментарии Н.И. Гитович. М., 1986.
- ⁶ В типографии Суворина печатались два издания сочинений Пушкина — Литературного фонда (под редакцией П.О. Морозова) и Суворина. По выходе в свет этих изданий было обнаружено, что Суворин заимствовал для своего издания впервые публиковавшиеся Морозовым стихотворения Пушкина и прозаические отрывки из его произведений. Состоялся третейский суд, который обязал Суворина уплатить Литературному фонду 27925 рублей 20 копеек. Суворин признал факт заимствования в трех из десяти томов.
- ⁷ Издательство журнала «Луч» С.С. Окрейцу, против которого в январе 1887 года наследники Пушкина возбудили уголовное дело. Обвинили в присвоении чужой собственности, так как выпустил раньше срока.
- ⁸ Дрейфус Альфред (1859— 1935 гг.) — капитан французского генштаба. По происхождению еврей. В 1894 г. был обвинен в измене родине за шпионаж в пользу Германии. Несмотря на отсутствие доказательств, настроенный военный суд приговорил его к пожизненной каторге. Дрейфус был сослан. В 1898 г. Э. Золя, Ж. Жорес, Ж. Клемансо и другие потребовали пересмотра дела. В 1899 г. Дрейфус был помилован, а в 1906 г. оправдан. Передача Германии военных секретов была инкриминирована не ему, а майору генштаба В. Эстерхази.
- ⁹ ПССП Ф.Д. Батюшкову. 23 января 1899.
- ¹⁰ М.М. Ковалевский Об А.П. Чехове// А.П. Чехов в воспоминаниях современников. Сост. и комментарии Н.И. Гитович. М., 1986.
- ¹¹ Рейфилд Д., Макарова О.Е. Предисловие к книге: Суворин А.С. Дневник. Текстологическая расшифровка Н.А. Роскиной. Подготовка текста Д. Рейфилда и О.Е. Макаровой. London; Москва, 1999. Дэвид Магаршак. Биография Чехова. (далее «Дневник»), 26 марта 1898.
- ¹² ПССП 24 апреля 1899 г.
- ¹³ ПССП 26 апреля 1899 г.
- ¹⁴ ПССП 27 января 1899 г.

Газеты из коллекции С.Д. Полторацкого.

Собрание Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова

Светлана Лебедева

Статья посвящена биографии и собранию известного русского bibliофила XIX века С.Д. Полторацкого, а также собранию газет из его коллекции, хранящихся в фондах Научной библиотеки МГУ.

Ключевые слова: «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», коллекция С.Д. Полторацкого, Научная библиотека МГУ

Светлана Лебедева — научный сотрудник отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова

В сентябре 1812 г. наполеоновский пожар уничтожил все здания Московского университета кроме больничного корпуса. Погибли учебные корпуса, библиотека, имевшая более 20 000 книг, собрание физических, астрономических, химических, хирургических инструментов, музейные коллекции. Сгорели и частные коллекции, и библиотеки некоторых профессоров университета.

Полные подшивки газеты «Московские Ведомости», принадлежавшие Московскому университету, были «истреблены» пожаром 1812 г. В обширном исследовании С.П. Шевырева «История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею» отмечается, что библиотека университета покупала затем комплекты газет из частных собраний. Наиболее полные собрания, по мнению автора книги, принадлежали Архиву и С.Д. Полторацкому. С.П. Шевырев в начале своей книги благодарит «известного русского Библиографа, Сергея Дмитриевича Полторацкого

за доставление средств пользоваться его библиотекой».

Сейчас одним из наиболее редких и полных собраний первых русских газет библиотеки Московского Университета, является коллекция «Московских» и «Санкт-Петербургских ведомостей» XVIII — начала XIX веков. Её создатель — Сергей Дмитриевич Полторацкий, известный коллекционер и общественный деятель. Он родился в Москве 23 января (4 февраля) 1803 г. Получил хорошее домашнее образование и в 15-летнем возрасте был отправлен родителями в Одессу, в только что тогда открывшийся Ришельевский лицей, где проходил курс наук с 1817 по 1820 гг. В 1820 г., не закончив лицея, Сергей Дмитриевич, по желанию матери возвратился в Москву и поступил в созданную генералом М.Н. Муравьёвым школу колонновожатых. В 1823 г. Полторацкий был выпущен прапорщиком в свиту императора Александра I. В 1827 г. Сергей Дмитриевич вышел в отставку по болезни и полностью посвятил себя Хлебниковско-Авчуринской библиотеке.

Его отец — статский советник Дмитрий Маркович Полторацкий (1761—1818). Он был известен в истории русского земледелия, как один из основателей Московского общества сельского хозяйства. Мать Сергея Дмитриевича — Анна Петровна, принадлежала к старинному роду Хлебниковых. Её дед — Кирилл Тимофеевич Хлебников был известным деятелем по управлению русскими колониями в Америке, а ее отец Пётр Кириллович (1733—1777) носил звание генерал-аудитор-лейтенант, но главным делом его жизни было составление библиотеки. Пётр Кириллович собирал не только все отечественные книги и всю периодику, но и все возможные летучие листки, на которых печатались указы и постановления, торжественные оды, эпитафии, эпиграммы, благодарственные стихи, объявления, приглашения и тому подобное. Для России XVIII века это было уникальное библио-

фильское собрание. Все материалы Пётр Кириллович систематизировал и помещал в кожаные переплёты. Эта библиотека досталась по наследству матери Сергея Дмитриевича — Анне Петровне, которая и сама не чужда была книжных интересов. Например, в 1823 году она купила в Париже, уже для сына-библиофила комплекты французских газет за многие годы.

Библиотека родителей Сергея Полторацкого была открыта для друзей и знакомых. В 1809 г. её посетил Николай Михайлович Карамзин. Он приехал в Авчуринскую библиотеку для сбора материалов по своему труду — «Истории государства Российского». Сам же Сергей Дмитриевич не только продолжал пополнять семейную коллекцию, но и издавал хранившиеся у него редкие книги и рукописи. Он составлял библиографические справочники, такие как «Синхронические таблицы русской литературы» (1863) и «Материалы для словаря русских писателей, собрание Сергея Полторацкого» (1858—1859).

Многие друзья Сергея Дмитриевича, зная его интересы, дарили ему комплекты газет. Одним из них был А.С. Пушкин. Полный список пушкинских «Ведомостей» содержится в записках Полторацкого, который сейчас находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. На некоторых страницах «Ведомостей» сохранились надписи: «Его превосходительству генералу поручику Загряжскому», «Генералу Загряжскому». Эти газеты получал по подписке дед Наталья Николаевна Гончаровой-Пушкиной — Иван Алексеевич Загряжский. В августе 1833 г. Пушкин посетил имение своей тётки Ярополец и нашёл в старой библиотеке нужные книги и газеты, которые переправил в Петербург. В 1836 г. А.С. Пушкин подарил своему другу С.Д. Полторацкому собрание «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1764—1773 гг.

В 1860 гг. С. Д. Полторацкий разорился и вынужден был продать свою библиотеку,

которая насчитывала 15 тысяч томов. Известный экономист и публицист профессор И.К. Бабст купил основную часть собрания «Ведомостей» из библиотеки С.Д. Полторацкого и пожертвовал её Московскому Университету. С тех пор библиотека Им-

ператорского Московского университета имеет в наличии «Санкт-Петербургские» и «Московские ведомости» за период с 1759 по 1836 гг. с наиболее полным комплектом объявлений и приложений, выходивших при этих газетах.

1. Крамер В.В. С.Д.Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина / Временник Пушкинской комиссии 1967-1968. Л., 1970.
2. Кунин В.В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979.
3. Рейсер С.А. Хрестоматия русской библиографии с XI в. по 1917 г. М., 1956.
4. РОГБЛ ф. 233 архив С.Д.Полторацкого
5. РОГПБ ф. 603 архив С.Д.Полторацкого
6. Сорокин В. Собрание "Ведомостей" С.Д. Полторацкого // Книжные новости, 1937 № 23-24.
7. Толстяков А. Из библиотеки Пушкина /Книжное обозрение. 10.03.67.
8. Черейский Л.А. Пушкин и Полторацкий / Русская литература. 1965 № 1.

Первый номер первой газеты Императорского Московского университета

Ольга Минаева

Олег Бакулин

*Вниманию читателей предлагается
полный текст газеты «Московские
ведомости» № 1 от 26 апреля 1756 г. с
комментариями и справкой об издании.*

*Ключевые слова: «Московские
ведомости», Императорский
Московский университет, 250 лет МГУ
им. М.В. Ломоносова.*

Газета «Московские ведомости» выходила с 1756 г. по 1917 г. — более 162 лет. Это первое периодическое издание Московского университета. Становление университета тесно связано с созданием и развитием этой газеты и подробно отражено на ее страницах.

Первый номер газеты «Московские ведомости» был издан 26 апреля 1756 г. — в день празднования первой годовщины существования университета. Газета печаталась в университетской типографии, создавалась силами профессоров и студентов, продавалась в книжной лавке университета. Вместе с типографией университет несколько раз сдавал газету в аренду. История типографии и история газеты неразрывно связаны между собой и с историей Московского университета.

Первый редактор газеты — Антон Алексеевич Барсов, ученик М.В. Ломоносова, профессор математики и красноречия, автор российской грамматики и книги «Собрание 4291 древних российских пословиц» (1770 г.).

«Московские ведомости» выходили два раза в неделю «по почтовым дням»: во вторник и пятницу. В 1756 г. — в первом году существования газеты — вышли 72 номера, затем в последующие годы выходило около ста номеров. Периодичность выдерживалась очень строго. Выпуск газеты (как и занятия в университете) прерывался два раза. Первый раз в 1771 г. во время эпидемии чумы в Москве издание «Московских ведомостей» прекратилось 22 ноября во вторник (вышел № 93) и возобновилось с 1 января 1772 г. Второй раз в 1812 году в связи захватом Москвы французскими войсками издание газеты было прекращено на №70 от 30 августа, следующий №71-94 вышел 23 ноября 1812 г. До 1842 г. газета издавалась два раза в неделю, затем три раза. С 1859 г. газета выходит ежедневно. Тираж «Московских ведомостей» в 1756 г. — 600 экземпляров.

Никаких выходных данных в газете не публиковалось — только номер и дата. В газете 8 страниц без нумерации размером «в четверть» (современный формат А5).

Если материала в редакции оказывалось больше, чем на 8 страниц, печаталось Прибавление к газете, на котором указана дата. Такое Прибавление появляется уже с первого номера. Иногда в нем публиковались целные по содержанию материалы или официальная информация (как можно увидеть в представленном Прибавлении), иногда разрозненные объявления. Формат газеты после 1780 г. постепенно увеличивался, приближаясь в начале XX века к современному привычному «газетному» формату.

Верстка газеты, которую мы видим в 1756 г., не менялась многие годы. Первой всегда печаталась официальная информация из Санкт-Петербурга, касающаяся Императрицы и ее двора. Зарубежные новости открывали номер или шли после официальной российской информации, но в любом случае они составляли 70-80% содержания газеты. Иностранная информация поражает разно-

образием и широтой географии: она не ограничивается только пределами Западной Европы. После зарубежных новостей шли сообщения из Москвы и объявления. Официальные документы (например, Сенатские указы) публиковались достаточно редко, причем в изложении и в разделе известий из Москвы. Московский университет получал их, как и другие присутственные места.

Внутрироссийская информация весьма скудна. Публиковались главным образом сообщения из Петербурга и Москвы. Остальные города Российской империи крайне редко появлялись на страницах газеты в XVIII веке и только в связи с какими-то природными катаклизмами. Жизнь Московского университета освещалась и в официальной хронике из Москвы, и в объявлениях. Постоянное место этой темы — после иностранной информации.

Отделов (рубрик) в газете поначалу не было.

Заголовки в «Московских ведомостях» — это указание страны и города, где происходит событие, например: из Санкт-Петербурга, из Москвы, из Царского села, из «Гаги» (имеется в виду Голландия), из Парижа (Франция), из Танжера (Африка), из Константинополя (Турецкая земля).

В первом номере нет объявлений. Но обычно они занимали существенное место в газете. Как правило, это были частные объявления о продаже домов, усадеб, земли, «кинарейки», табака, картин и серебряной посуды, о найме прислуги и аукционах. Типичный пример — объявление о том, что в таком-то доме есть «продажные сыры Пармезаны, самые лучшие Нарвские миноги и голландские сельди». Как правило, объявления отделялись от основного текста тонкой линией. В 1765 г. их иногда публиковали под заголовком «Известия». Затем появились рубрики «Разные известия», «Смесь», внутри которых печатались подзаголовки «Продажа», «Аренда», «Подряды», «Наем», «Объявления», «Вексельной курс», «Отъезжающие».

Для «Московских ведомостей» заимствовались статьи из петербургских газет, выписывались иностранные газеты из Германии и Италии. В статье «О начале Московских Ведомостей», написанной в 1851 г., говорится, что образцом для газеты служили «Санкт-Петербургские ведомости», а источником для внешних известий преимущественно «Konigsbergische S.K.F. Zeitongen» и «Gazette de Konigsberg», которые с 1758 по 1760 гг. выходили под российским гербом, как символом завоевания Пруссии русским оружием. Большую часть известий о России присылал из Санкт-Петербурга И.И. Шувалов (куратор и основатель университета) с нарочными эстафетами, «предписывая исправлять слог и наблюдать правописание в газетах»¹. «Ученые» (т.е. научные) журналы присылал также И.И. Шувалов, причем за свой счет. Переводные заметки и составляли большую часть газеты.

Внимательное чтение первого номера газеты позволяет предположить, что дублирование некоторых тем в разных материалах связано с тем, что переводчики имели дело с разными источниками и не знали, что именно отобрали для перевода их коллеги.

В качестве переводчиков в газете трудились лучшие студенты. В.Е. Ададуров² жалуется в письме профессору Миллеру на недостаток «переводчиков для Ведомостей, переходящих на другие места». В пример приводится А. Морков³, который «во французском языке имел весьма довольное знание, и уже переводил изрядно не только на русском, но и на французском языке, определен, по его желанию, в Иностранную Коллегию».⁴

Самой обширной по количеству и разнообразию материалов внутрироссийской темой в XVIII веке была, конечно, жизнь Московского университета. Газета, по существу, — это и есть подробная история формирования и развития университета.

Впервые Московский университет упоминается в Прибавлении к №1 за 1756 г. В нем помещено сообщение о торжественном

праздновании в Московском университете дня коронации императрицы Елизаветы Петровны. Каждый год Московский университет торжественно отмечал именины императрицы Елизаветы в сентябре, день рождения в декабре, день ее вступления на престол в ноябре и день коронации в апреле. Сообщения об этих событиях регулярно публиковались в газете.

Сложилась определенная процедура празднования университетом официальных праздничных дней, эта традиция укоренилась со дня открытия университета в 1755 г. Специально напечатанные приглашения обычно рассылались гостям. Студенты, ученики гимназии и преподаватели собирались утром и шли молиться в церковь Казанской Богоматери. Затем, возвратившись из церкви, в присутствии гостей, родителей и публики в большом зале «Университетского дома» слушали выступления профессоров. Профессора выступали каждый по своему предмету на латыни или другом языке. Информация о речах всегда содержала уточнение, на каком именно языке она произносилась. Вероятно, это делалась специально для того, чтобы подчеркнуть многоязычие университета и присутствие в нем русского языка как языка научного общения. День коронации Елизаветы 25 апреля праздновался как дата основания университета — занятия начались 26 апреля 1755 г., на другой день после празднования дня коронации.

Традиция отмечать официальные праздники Монарха публичными речами, подчеркивая тесную связь университета и власти, которая «самое учение все своему народу даровала»⁵, сохранилась на многие годы. В рамках университетской традиции было также придавать празднованиям культурно-просветительный и публичный характер, в котором особенно подчеркнута интеллектуальная составляющая. Темы выступлений на торжественных актах в университете очень разнообразны. Это своего рода популяризация науки.

Мы уверены, что предлагаемый вниманию читателей полный текст №1 газеты «Московские ведомости» с Прибавлением к нему вызовет интерес к истории газеты и Императорского Московского университета в год его 250-летия.

**«Московский Ведомости» № 1
В пятницу 26 дня 1756 года**

Из Санктпетербурга от 18 апреля

Сего месяца 14 числа в день Святыя Пасхи, во втором часу по полуночи по прибытии ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Всемилоостивейшия нашае государыни⁶, и Его Императорскаго Высочества, государя Великаго Князя, Петра Федоровича⁷, в большую придворную церковь, где множество обоего пола знатных персон находилось, началась Утренняя, и после оной тотчас Литургия. Ея императорское Высочество, государыня Великая Княгиня⁸, изволила божественную службу в малой церкви в Своих покоях слушать. По окончании Святыя Службы все находившиеся в церкви приносили ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ всеподданнейшее поздравление, и всемилоостивейше допущены были к руке. 17 числа был куртаг⁹.

В учрежденной по Высочайшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повелению при дворе по два раза в неделю конференции, которой за праздниками от 12 числа не было, сего 18 дня паки заседания начались.

Оттудаж от 18 апреля

В саду Его Сиятельства графа Петра Ивановича Шувалова¹⁰ имеется смотрения достойное произращение с плодом. Оное есть столь славная Муза, банана или бананиера, которая в России прежде сего никогда не цвела и плода не приносила. Оная Муза в Немецких и голландских садах называемая Пизанс или Смоковница Индийская, в конце минуваго года возрела вышиною в 3 аршина и в три четверти, и в прошлом генваре

месяце из вершины ствола вышло толстое стебло около бти дюймов в округ, а на нем явились плоды, которых в Феврале было 24 совсем созрелых. У сего произращения листья в два аршина длиною, и в три четверти аршина шириною и утверждены на стеблик в пол аршина длиною; а то стебло еще по сю пору растет и цветет.

Из Рима от 29 марта

Папа по причине Четыредесятницы¹¹ оказал новой опыт своего благоразумия. Прежде начала Поста Его Святейшество призвал к себе многих священников, имеющих говорит проповеди в соборе и других первейших церквах; и говорил им следующее увещание. Я неоднократно усмотрел, что в ваших проповедях, говоримых ввремя Четыредесятницы, вы больше стараетесь удивлять народ красными и витиеватыми словами, кои не что иное, как только пустое красноречие. Оставьте ненадобныя сии украшения. Поражайте сердца, а не одни уши; проповедуйте веру, покаяние и добрые дела. Многие из вас больше говорят о власти, которую Церковь имеет отпускать согрешения. Но должно больше преклонять к истинному исправлению и обращению к добродетели, без сего пост и воздержание есть только простая и не действительная внешность. Сии увещания произвели великое внимание в проповедниках, и напоследок произведены были в действо.

Весьма похваляют недавно оказанную строгость Феррарскаго губернатора, которой посадил в тюрьму, а потом послал на галеры обманщиков народных и ложных пророков, которые под видом благочестия, а в самом деле желая корысти, простых людей обманывали и выманивали у них деньги хитрым образом чрез притворную святыню.

Из Бреста¹² от 16 марта

Несмотря на то, что многие Английские военные корабли около сих берегов разь-

езжают, на сих днях однакож многочисленной флот купецких кораблей, назначенных в разныя государства, из сего порта в море вышел, под прикрытием шести фрегатов. Военные корабли эскадры маркиза Конфланса почитай все уже на рейду вышли. Полки Саррской и Руссилонской сюда пришли 12 и 13 чисел сего месяца, для посажения их на сию эскадру. Вооруженные в Ориане шесть кораблей, которые с оною эскадрою совокупиться должны, на себе еще несколько войска привезут, кроме тех еще, кои посажены будут в острове Ре. Думают, что сия эскадра в 8 или 10 дней в готовности будет к выступлению в намеренной путь.¹³

Из Руана от 1 апреля

Академия Наук и Художеств сего города предлагает для решения задачу физикам, что бы изыскали причину трясения земли, и награждение трудящимся назначит сего года. Решения сообщены быть могут на Латинском или на Французском языке.

Из Парижа от 22 марта

Прививание оспы, сделанное Дюку де Шартру, сыну Дюка Орлеанского, желательнейший успех имеет; ибо оспа четвертаго дня в вечеру показываться начала, как о том господин Троншин и объявил; а на завтра потом, хотя сей Принц не малое беспокойство чувствовал, но до ныне никакой опасности в нем не видно. Принцесса, его сестра, также в том благополучном состоянии находится, сколько того желать можно, по учинении над нею сей операции; и в сей ночи ожидают появления оспы. Весь город в нетерпеливости находится о следствиях онаго прививания¹⁴.

Данныя Великобританским двором инструкции и указы генералу Браддоку о должности его в Америке, которая найдены в его письмах, взятых по разбитии нашими тамо его армии, сказывают, что опубликованы будут при манифесте, которой от двора выдастся.¹⁵

Из Тулона от 14 марта

Назначенныя войска против острова Минорки, состоящая из 16 тысяч пехоты, одного драгунскаго полка и нескольких рот артиллеристов и инженеров, действительно уже здесь и в окружных местах собрались. Флот к сей экспедиции определенной будет на четыре месяца всякою провизиею снабдив; а состоит оной из двух кораблей линейных, 6 фрегатов, 7 галер, 1 бомбардирнаго галиота и 30 транспортных судов. Маршал Дюк де Ришелье сей час сюда приехал, и войско на суда уже сажать велел; почему они завтра и после завтра на изготовленные для них суда перебираться будут. Но сколько сим ни поспешают, однакож не думают, чтоб эскадра в море выттить могла прежде 27 или 28 чисел сего месяца.¹⁶

Из Вены от 20 марта

На нынешних днях послано несколько рекрут в полк Пиколомини, которой стоит в Моравии. Многие офицеры разных полков сюда приехали для делания ружья и мундиров на свои корпусы.

Из Гаги от 1 апреля

Господин Геллен, брат Прусскаго Министра при сем дворе, чрез сие место проехал в Лондон, с нужными от берлинскаго двора письмами. Сей самой господин Геллен был употреблен в доставлении секретных писем от Короля Прусскаго к Королю Великобританскому, в то время, как между ими о последнем заключенном союзе соглашение продолжалось письмами.¹⁷

Из Лондона от 22 марта

Парламент, согласясь просить Короля о перевозе в здешнее королевство 12 батальонов ганноверских войск, о том доклад ему вчерась чрез своих депутатов подал, Его Величество получа от лихорадки облегчение чрез употребление Кинкины¹⁸, принял его от них в своих покоях и им на то во ответ сказать изволил, что он по желанию своего

парламента в скорости о том указ в ганновер пошлет.

При добрых распоряжениях для безопасности государства кажется, что страх от ожидаемого нападения совсем исчез, теперь все осторожности народные к Гибралтару и Портмагону простираются, но как довольно известны о предприятиях Французских, тои в оной стороне надеются предупредить действие их намерения. Эскадра Адмирала Гака посланная в Средиземное море, надеются, что придет в надлежащее время, чтоб помешать их предприятиям. Адмиралы Бинг и Вест пошли вчера из Спитхеда с 10 военными кораблями, господин Кеппель с четырьмя королевскими судами тудаж отправился, великое число послано припасов в Гибралтар и в остров Минорку. Сегож числа отправлены два курьера, один в Вену, другой в Ганновер. Сего вечера был большой военной совет в Сентджемсе. По последним известиям из Лиссабона полученным, 29 числа февраля было трясение, которое продолжалось с минуту и в великой страх всех жителей привело. Правление получило известие, что отошедшая из Бреста эскадра, подкомандою господина Перриде Салверта, к Американским Французским островам путь свой восприяла.¹⁹

Сказывают, что двор в свое время на свет выдаст изысканныя им Французския намерения в Америке, и публикует найденные на взятых двух Французских военных кораблях Алциде и Лели указы, инструкции и планы и прочия до того касающияся письма.

Говорят также, что генералы Жансон и Ширли свои военныя действия начнут осадюю двух нужных и крепких замков, называемых Лакурон и Ниагара. Набеги индейцев на границе Вергинии и Пенсилвании уже реже с тех пор бывают, как против их несколько партий регулярнаго войска послано. Правление послало указ, чтоб все Французския суда, взятая с рыбою, потопить, дабы удержать там вредительной

смад, которой от выгрузки той заразившейся рыбы быть может, и посему указу исполнение учиниться имеет при берегах французских. Наследной великой маршал Англии Дюк Норфолк третьяго дня ввечеру имел весьма богатой стол для всей фамилии Королевской и знатнейших персон, которых было больше трех сот.

Оттудаж от 2 апреля

Ни о каком деле не было такого спору в парламенте, какой был 2 апреля по причине ганноверскаго войска. Как скоро о том предложено было в нижнем парламенте, то тотчас некоторые члены начали тому противиться. Иным казалось сие дело быть предосудительным истинной пользе великия Британии. Иные производили из того опасныя следствия в рассуждении вольности и прав сего народа. Другия разумнейшие рассуждали только то, что опасности от которой хотят себя предохранить помощию сего народа не столь в самом деле велика, как об ней думают. Впрочем сии их мнения от противной стороны опровергаемы были весьма доказательным образом. Ибо утверждали, что вспоможение 12 батальонов не может быть предосудительно пользе великия Британии при таких обстоятельствах, когда собственное войско не довольно к усмотрению всех предприятий неприятельских, которой с трех сторон государства наблюдает, где больше или меньше силы и сопротивления; что вольность великия Британия не только никакой опасности, но еще в таких обстоятельствах получает новое подкрепление от могущества Монаршескаго чрез соединение собственных онаго сил с Великобританскими; не упоминая о том, что 12 батальонов довольны к исполнению намерения, для коего определены, сверх того не столь велико сие войско, чтобы могло подать подозрение, есть ли здоровым разумом рассудить случай, в котором они обещают свое спомоществование. Что касается до опасности, которая

некоторым кажется не столь велика, как другим, то довольно представить великия приуготовления неприятеля, которой сам не скрывает своих предприятий, и явно оказывает свои угрожения великой Британии. Та сторона, которая сии мнение защищала, одержала верх перед другою, она имела 289 голосов против 92.

О сем деле также рассуждали депутаты обеих парламентов в собрании бывшем 30 дня, в котором во многих сомнениях депутаты верхнего парламента утвердились на мнении депутатов нижняго парламента и рассудили подать о том Королю адрес. Его Величество, которой чрез употребление хинкхаины находится уже в лучшем состоянии, принял сей адрес в своих покоях и отвечал, что он их предложение имеет произвести в действо, и войско примет по изволению парламента.

Из Сюссекса от 19 марта

На сих днях произошел в здешних местах такой случай, которой довольно доказывает, какое французы сопротивление себе от наших получают, ежели на наши берега напасть покусятся. С Алемутских мелей увидели 10 кораблей на чистом море, которые тамошние обыватели почли за французские суда, и тотчас все на берег выбежали, не выключая женщин, вооружая саблями, шпагами, вилами и прочим, что им показалось к обороне от неприятеля способно, в тож самое время зажгли они в некоторых местах огни, в знак тревоги окружным жителям, и всю ночь так пробыли без получения достовернейшаго известия. По утру увидели корабли, к берегу приближающиеся, будто как для распознавания онаго, чего ради намерились в шлюпку к оным кораблям послать и спросить, которой они нации и чего хотят. Шлюпка в сей посылке находилась долгое время, отчего обыватели весьма беспокойными были, и, конечно, думали, что то французы находились, но по возвращении оной уведомились, что те корабли были гол-

ландские, которые ошибкою к сему берегу пришли, а искали пристани Шильдс, куда посланной на шлюпке их и проводил, посем сии мужественные жители с своими помощниками назад в свои обиталища возвратились, радуясь, что такой хороший опыт показали, с какою они храбростию в случае осады от неприятеля, сопротивляться будут.

Из Ганновера от 22 марта

Понеже часть гессенскаго войска, которое идет на Англию, имеет чрез сие Курфиршество перейти в их пути на Эльбу к городу Стада, того ради правление уже надлежащие указы о пропуске их послало; а другая часть сего войска путь свой будет иметь по другой стороне Везера, чрез владения Курфирста Кельнскаго, которой уверение себе получил, что же войска никакой обиды его земле не причинят.

ПРИБАВЛЕНИЕ к Московским Ведомостям. В пятницу 26 числа 1756 г.

26 числа тот же всерадостный день²⁰ празднован в Московском Императорском Университете следующим образом. В 8 часов в присутствии Директора господина Аргамакова²¹, все учителя и ученики собраны были в Казанский собор, где за Высочайшее ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и Императорской Фамилии здравие принесены от всех искреннейшие и благодарнейшие моления. После чего в надлежащем порядке возвратились в Университетскую большую Аудиторию, и там при собрании знатнейших духовных и светских персон прилежнейшие Студенты, и представленные от учителей из всех классов обеих гимназий лучшие ученики (...коих имена при сем сообщаются) жалованы были золотыми и серебряными медалями: с изображением на одной стороне вверху Императорской короны, внизу Скипетра и Державы, — а в середине латинской надписи следующего содержания:

ЕЛИСАВЕТА
ВЕЛИКАЯ
НАУК И
ХУДОЖЕСТВ
ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА.

На другой стороне изображен лавровый венец, в середине которого написано:

ДОСТОЙНЕЙШЕМУ.

Оные медали присланы были от Его Превосходительства Высокочтеннейшего Куратора Ивана Ивановича Шувалова²² к господину Директору, чтоб их помянутым Студентам и ученикам раздать с следующим объявлением:

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО всемилоливейшая государыня и Самодержица в знак высочайшего своего благоволения жалует вас сими медалями за вашу прилежность.

Напоследок говорена была Магистром и Конкректором²³ Николаем Поповским²⁴ сочиненная на сей торжественный день речь на российском языке, которая вместе с одою его ж сочинения напечатаны в Типографии Московского Императорского Университета, и присутствовавшим знатнейшим персонам раздаваны. Того ж дня ввечеру в Университетском доме, что на Моховой, при многолюдном собрании представлена была иллюминация прозрачною картиною в 12 аршин вышины и 8 ширины с принадлежащими многими украшениями, а представление было следующее:

Музы на берегу Москвы реки празднуют всерадостный день Коронации ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА всенародным торжествованием, в облаках Минерва с щитом своим оных покрывает и сыплет из рога изобилия цветы и плоды: знаки чести и богатства.

Свыше над главою Минервы СЛАВА с трубою держит одною рукою Корону ИМПЕРАТОРСКОЮ, а другою венец, сплетенный из лавров.

НАДПИСЬ ЛАТИНСКАЯ.

Давно уже любовь народная ТЕБЕ мыслию предопределила то, что ныне с похвалою целой свет видит на главе ТВОЕЙ.

Окрест видимы насажденные аллеи из пальмов: Темпейская долина и Пегас на верху горы Пинды; знаки времен благополучных, покоя, веселия и успехов Наук и Художеств.

Одна из муз держит поверженных на земли Невежество и Лениость, вместе связанных: напереди путь двойной, Символ Пифагоров, значащий Порок и Добродетель.

В середине алтаря надпись:

ЕЛИСАВЕТЕ

Августейшей Российской Монархине
МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА

За учреждение Наук и Художеств

Московские Музы ЕЯ щедростью ободряемая, умножаемая и защищаемая,

В знак благодарности посвятили
1756 года Апреля 26 дня.

ИМЕНА ТЕХ, КОИ ЖАЛОВАНЫ МЕДАЛЯМИ.

СТУДЕНТЫ:

Матвей Елисеев

Петр Дмитриев²⁵

Аввакум Рудаков

Данила Яковлев

Данила Палимосовский

Дмитрий Аничков²⁶

Семен Герасимов

Иван Федоров

УЧЕНИКИ БЛАГОРОДНЫЕ:

Петр Безобразов

Дмитрий Камынин

Дмитрий Бабарыкин

Гаврила Жеребцов

Борис Салтыков²⁷

Иван Ченцов

Александр Карин²⁸

Иван Жеребцов

Князь Василий Хованской

Петр Жеребцов

Александр Павлов

Андрей Рахманов

Яков Булгаков²⁹

Георгий Агарев

Алексей Маслов

Петр Толбузин

Князь Леон Грузинский

Василий Каховской

Князь Иван Тюфякин

Петр Киселев

Князь Яков Долгорукий

Князь Михайла Львов

Григорий Потемкин³⁰

Климент Украинцов

Александр Левашов

Иван Спиридонов

СМИ ОТЕЧЕСТВА

Федор Калычов	Василий Елагин	РАЗНОЧИНЦЫ:	
Александр Шереметев	Денис Фон-Визин ³¹	Сергей Мыльников	Матвей Барсов
Граф Михайло Головин	Алексей Горчаков	Евграф Аронов	Илья Федоров
Андрей Леванидов	Петр Аргамаков	Иван Федоров	Андреян Ильин
Князь Иван Прозоровской	Степан Дамажиров		

* * *

¹ Снегирев «О НАЧАЛЕ МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» // Московские ведомости № 26 от 1851 г. стр. 211-214.

² Ададуров (Адодуров) Василий Евдокимович (1709-1780) — куратор Московского университета в 1762-1780 гг., русский математик, переводчик, литератор.

³ Морков Аркадий Иванович (1747-1827) — выпускник университета, видный дипломат, посол в Швеции и во Франции.

⁴ Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М. 1998. Стр. 175.

⁵ Цитата из речи А.А. Барсова при открытии университета в 1755 г. С.П. Шевырев, указ. Соч. Стр. 2.

⁶ Императрица Елизавета Петровна.

⁷ Будущий император Петр III.

⁸ Будущая императрица Екатерина II.

⁹ Куртаг — выход при дворе.

¹⁰ Шувалов Петр Иванович (1711—1762) — граф, русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Брат И.И. Шувалова. Пользовался неограниченной властью в царствование императрицы Елизаветы Петровны.

¹¹ Четыредесятница — сорок дней Великого поста.

¹² Брест — город — порт на северном побережье Франции.

¹³ Описываемая в сообщении из Бреста «неограниченная морская война», проводившаяся с 1755 г. Великобританией в отношении Франции — один из эпизодов начавшейся в 1754 г. англо — французской войны за Американские колонии. Два года спустя эта кампания стала частью начавшейся в Европе Семилетней войны (1756 —1763 гг.). В ней приняли участие Австрия, Россия, Франция — с одной стороны, и Великобритания с Пруссией — с другой.

¹⁴ В «Московских ведомостях» № 2 помещено сообщение о том, что оба больных чувствуют себя хорошо.

¹⁵ Английская армия, возглавляемая генералом Бреддоком, была разбита в американских колониях в 1755 г. объединенными силами французов и выступившим на их стороне индейским племенем алгонкинов. Это событие нашло позднее свое отражение в «Виргинцах» Теккерея.

¹⁶ Пользуясь тем, что англичане, опасаясь вторжения французов на Британские острова, сосредоточили для обороны страны свои основные силы, французы смогли подготовиться к взятию английской военно-морской базы,

расположенной на о. Минорка в Средиземном море. Возглавил операцию герцог де Ришелье. 19 апреля 1756 г. его войска высадились на острове.

- ¹⁷ Речь идет об оформлении военно-политического союза Пруссии и Великобритании.
- ¹⁸ Видимо, хинин.
- ¹⁹ Для нейтрализации французов в Средиземном море к о. Минорка была отправлена британская эскадра во главе с лордом Бингом, вскоре разгромленная противником.
- ²⁰ День коронации императрицы Елизаветы.
- ²¹ Аргамаков Алексей Михайлович (1711—1757) - первый директор Императорского Московского Университета (далее - ИМУ)
- ²² Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — основатель и первый куратор ИМУ, основатель и президент Академии Художеств, фаворит императрицы Елизаветы.
- ²³ Конректор — учитель, следующий по старшинству за ректором (ректор — руководитель уч.заведения).
- ²⁴ Поповский Николай Никитич (1730-1760) — первый профессор ИМУ, профессор поэзии и красноречия российского, первый ректор гимназии, ученик М.В. Ломоносова.
- ²⁵ Дмитриев Петр (1733—1775) — впоследствии первый профессор ботаники ИМУ, доктор медицины
- ²⁶ Аничков Дмитрий Сергеевич (1733—1788) — его диссертация о происхождении религии была обвинена в атеизме и сожжена на Лобном месте, он раскаялся в своих заблуждениях, с 1771 г. профессор логики, метафизики и математики ИМУ
- ²⁷ Салтыков Борис (1723—1808) — впоследствии писатель
- ²⁸ Карин Александр (годы жизни не изв.) — впоследствии переводчик и писатель
- ²⁹ Булгаков Яков Иванович (1743—1809) — впоследствии переводчик и дипломат
- ³⁰ Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — крупный государственный деятель, фаворит Екатерины II.
- ³¹ Фонвизин Денис Иванович (1744—1792) — известный писатель и драматург, выпускник ИМУ, три раза награждался золотой медалью по предметам, а последняя золотая медаль за отличие в учебе ему была заменена присвоением воинского чина.

ЗНАНИЕ — СИЛА

**66 • Об истории
университетских зданий**

**74 • Евграф Тюрин – архитектор
«нового» Аудиторного корпуса
Московского университета**

Об истории университетских зданий

Ольга Минаева

Автор благодарит директора музея истории МГУ им. М.В. Ломоносова А.С. Орлова за помощь в подготовке статьи.

В статье рассматривается история зданий, принадлежащих Московскому университету: Главного здания и Аудиторного корпуса на ул. Моховой, а также некоторых других.

Ключевые слова: Университетские здания на Моховой улице, Старое Главное здание, Репнинский дом, Аудиторный корпус, типография Московского университета.

Ольга Минаева — доцент кафедры истории отечественных СМИ факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук, olg-minaeva@yandex.ru

Первые корпуса и типография

Alma Universitas Elisabethana — так называли Московский университет в царствование Елизаветы. Императорский Московский университет был открыт 26 апреля 1755 г. в доме у Воскресенских (или Куретных) ворот на Красной площади. На празднике присутствовали знатные гости, преподаватели университета, первые студенты, ученики университетских гимназий и их родители. После возвращения с общей молитвы в церкви Казанской Богоматери на Красной площади в большом зале университета говорили речи.

«Русское угощение не миновало гостей, приглашенных на праздник»¹, — деликатно пишет о пире С.П. Шевырев. Все университетские покои и башня сверху донизу были освещены. Целый день играл оркестр. Галерея внутри здания была убрана грудями конфет. В покоях были выставлены книги, географические карты и глобусы, математические инструменты. Посреди галереи был устроен

фонтан, на фронтонах которого изображен герб и имя И.И. Шувалова. Целый день и почти всю ночь толпа народа веселилась около университетского здания. Так «всенародно» праздновала Москва вместе с днем коронацией Императрицы Елизаветы Петровны и рождение своего университета.

В здании у Воскресенских ворот раньше помещалась аптека, а в «прилежащих к нему покоях» аустерия. Ремонт этого дома велся еще в 1754 году, обошелся казне в тысячу рублей и задержал открытие университета. Руководил ремонтом архитектор князь Д. Ухтомский. Первоначально в здании помещался университет и две гимназии — дворянская и разночинная.

В здании университета на Красной площади университету сразу стало тесно. Сенатским указом в мае 1756 г. приказано было приобрести еще дом Главной Аптеки на Моховой. Для нужд университета купили бывшую усадьбу князя П.И. Репнина на углу Моховой и Никитской улиц (сейчас его адрес — ул. Моховая, 11). С появлением второго здания в обиход вошло выражение «оба университетских дома». Как правило, дом на Красной площади называли «дом у Воскресенских ворот», а второй — «репинский дом», а также «дом на Моховой».

Типография и книжная лавка были открыты в университетском доме на Моховой в апреле 1756 г.² Это была первая гражданская типография в Москве. За первый год работы она выпустила 14 книг. В июне 1757 г. типографию перенесли к Воскресенским воротам «и для опасности от пожара, и для многих других способностей». Вместе со словолитною университетская типография помещалась тогда в палатах над Воскресенскими воротами, которые соединялись переходом с домом, где находился университет.³ Типография и книжная лавка несколько раз перемещались из одного университетского дома в другой и обратно.

В этой типографии 26 апреля 1756 г. вышел первый номер газеты «Московские ведомос-

ти». Это было первое периодическое издание университета, в котором подробно отражалось становление университета. В газете, помимо официальной информации, публиковалось множество объявлений, рассказывающих о хозяйственных хлопотах университетского руководства. Так в 1758 г. это были объявления о поиске поставщика продуктов для университетской гимназии⁴ и подрядчика⁵ для строительства флигеля на Моховой, поставщика подушек и одеял для гимназистов⁶.

В 1761 г. газета публикует объявление о поиске подрядчика «во Университетские оба дома желающих своим коштом возить Москворецкую воду»⁷. Таким же способом газета искала и желающих сшить гимназистам форму, и нужных работников для весьма обширного хозяйства университета.

В 1764 году напечатано такое объявление: «Будущим летним временем исправление имеющихся в домах Императорского Московского Университета, что на Моховой и что у Воскресенских ворот в каменном и деревянном строении разных ветхостей починкою и переправкою, с учинением о принадлежащих к тому исправлению разных припасах и материалах, сколько оных и работных людей, по каким ценам и на сколько всего суммою следовать будет описи и сметы, по чему б нынешним зимним временем те припасы и материалы заблаговременно изготовить было можно, желающим на себя принять искусным архитекторам ... явиться в Канцелярию помянутаго Университета немедленно»⁸. Помимо всего, это объявление дается «заблаговременно», в декабре для поиска подрядчика на ремонт будущим летом.

Постепенно вокруг здания университета на Моховой (Репнинского дома) арендовались и покупались дома и участки земли, чтобы увеличить площадь университетских владений, строились флигельки и пристройки, новые корпуса. В 1785 г. императрица Екатерина приказала купить дом князя Борятинского, «что на Моховой», и подарила его университету.

В 1786 г. Екатерина II пожаловала 125 тыс. рублей на постройку (точнее, перестройку) главного университетского здания с дозволением брать «потребное число материалов, оставшихся от Кремлевского строения»⁹. Постройкой Главного корпуса руководил архитектор Матвей Федорович Казаков.

Планировка Главного корпуса напоминала городскую усадьбу. Здание было отодвинуто вглубь двора, имело форму буквы «П». В специально построенном Актовом зале на втором этаже проходили церемонии награждения и торжества.

Вся организация жизни университета тоже напоминала городскую усадьбу. Кроме учебных корпусов университетское хозяйство включало общежития «казеннокоштных» студентов, квартиры профессоров, больницу, театр, книжную лавку, типографию, помещения для многочисленной обслуги — кухарок, прачек, сторожей, портных, истопников. Большой штат прислуги представлял определенную сложность: люди нужны были квалифицированные и «примерного поведения». В документах университета есть свидетельства того, что с прислугой возникали иногда трудности. Так, в 1761 г. куратор Ф.П. Веселовский приказывает отдать сыну прежнего владельца нерадивого повара. Он пишет: «...повар Дмитрий Жильцов в неоднократных явился ссорах, драках, в пьянстве и других не порядочных поступках; и хотя он крепок университету (то есть принадлежит как крепостной — *О.М.*), однакож в рассуждении оказанных ево беспорядков, от которых отвратить ево никакой надежды нет, изволите ево от университета выключить и отдать...наследнику»¹⁰. Вывод о том, что повар «крепок университету» оказался неверным — повар был вольный, получивший от прошлого хозяина «отпускное письмо». Он получал от университета жалованье и мог быть уволен. «Дети таких вольных слуг поступали в университетскую гимназию безо всяких осложнений и записывались разночинцами, этого не могло быть, если бы родители считались «крепкими» университету»¹¹.

Библиотека и театр университета

С первых лет существования Московский университет, стал крупным центром культурно-просветительской и популяризаторской деятельности.

Библиотека университета была первой публичной библиотекой Москвы. В 1756 г. «Московские ведомости» объявили, что «Московского Императорского университета библиотека, состоящая из знатного числа книг на всех почти европейских языках, в удовольствие любителей наук и охотников до чтения книг, отворена была сего июля 3 числа и впредь имеет быть отворена каждую среду и субботу от 2 до 5 часов полудни»¹².

Богатейшие научные коллекции университета были доступны для публики. Публичные лекции с демонстрацией физических опытов, открытые диспуты привлекали московскую публику, их посещали даже знатные дамы. Так, в 1757 г. опубликовано сообщение о том, что в большой университетской аудитории на лекции по физике на французском языке «было немалое собрание любителей Наук, между которыми находились и дамские персоны»¹³. Примечательно объявление о подарке университету: «Мы живем в такие счастливые времена, в которые не только мужеской пол, но и дамы крайнюю склонность показывают к Наукам. Пример сему показала Ее Превосходительство покойного Действительного Тайного Советника и Кавалера Федора Васильевича Наумова супруга Марья Михайловна, которая, усердствуя о успехе здесь в Московском Императорском Университете полезных учений, на сих днях на надлежащее к тому употребление подарила в оный Университет из собственного своего имени 1000 рублей»¹⁴.

Московский университет публично праздновал окончание каждого семестра и учебного года, день основания университета, день коронации монарха и другие государственные праздники. Традиция празднования

торжественных дней была заложена со дня празднования первой годовщины университета. Принято было утром всем преподавателям, студентам и ученикам отправляться на молитву. Затем «в надлежащем порядке», по старшинству все возвращались в большую университетскую аудиторию, там в присутствии «знатнейших духовных и светских персон», начинались публичные лекции, диспуты, награждения лучших учеников и т.п. Приглашения с темами выступлений было принято заранее печатать и рассылать гостям. Хотелось бы привести некоторые из тем речей:

- о причинах Наук профессора Шадена (1756 г.),
- преизяществе красноречия и о преимуществе Монархии пред Аристократиею и Демократиею (1758 г.) профессора Н. Поповского (1756 г.),
- о намерении, с каким учиться должно (1760 г.),
- о способах, которыми Монархи бессмертную получают славу (1762г.),

В публикациях «Московских ведомостей» обязательно указывалось, что публичные речи произносились в «большой Университетской Аудитории». В XVIII и в XIX веках с заглавной буквы писались все слова в названии университета: Императорский Московский Университет. С заглавной буквы писались должности университетского начальства: Директор, Куратор, Ректор Дворянской Гимназии, Канцелярии Советник, Профессоры, Магистры, так же как и названия подразделений университета: Дворянская Гимназия, Библиотека, Типография и даже «большая Университетская Аудитория». С заглавной буквы писались так же названия научных званий и дисциплин: так в сообщении о Николае Поповском — Профессор Красноречия. Часто в XVIII веке слово «наука» писалось с заглавной буквы: «любители Наук», «на поприще Науки» и т.п. Всегда с заглавной буквы написано слово «Студенты». Стать «Студентом» означало получить определенный (довольно высокий) статус в обществе,

начать службу, карьеру. Только в конце XIX века слово «студент» перестали писать с заглавной буквы, как и слово «университет».

В 1757 г. привлекает внимание объявление в «Московских ведомостях» о том, чтобы «женщинам и девицам, имеющим способность и желание представлять театральные действия, також петь и обучать тому других, явиться в Канцелярии Московского университета»¹⁵. Речь идет об университетском театре. Он имел полный набор кулис и костюмов, купленных и подаренных. Кроме театра, в университете принято было на святках и на масленицу устраивать маскарады, на которые приезжали родственники профессоров, студентов и учеников гимназий. Для танцев отводились столовый зал и смежные с ним комнаты на «дворянской» половине университетского здания. По воскресеньям и праздникам устраивались «вечерние» танцы и концерты. Все эти публичные мероприятия требовали больших помещений — в университет приходило множество гостей.

Новые здания: церковь, типография, книжная лавка

Университету постоянно требовались для расширения новые здания. В 1788 г. по ходатайству Куратора университета И.И. Меллисино Московский Главнокомандующий П.Д. Еропкин выпросил у императрицы Екатерины дом Межевой Канцелярии на Тверской улице (сейчас это место занимает здание Центрального телеграфа), в котором был помещен Благородный пансион при университете — несколько десятков детей от 9 до 14 лет, их учителя и слуги.

В 1791 г. 5 апреля был освящен устроенный в Главном здании университета храм во имя Св. Мученицы Татианы, «в незабвенное воспоминание достойно чтимаго дня, в который утверждён проект об Университете». Университетская церковь была расписана архитектором и живописцем Клауди и поражала современников своим благолепием и

красотой. Студенты и гимназисты «составляли благозвучный хор» и пели в церкви по воскресеньям и праздникам.

Серьезную проблему для университетского начальства представляло размещение типографии, книжной лавки и газеты. Как уже отмечалось, типография была устроена в доме на Моховой, затем в доме у Воскресенских ворот. В мастерских Академии наук в Санкт-Петербурге был изготовлен шрифт и другое оборудование, обучались граверы, наборщики и другие работники для типографии Московского университета. В ней выходила газета «Московские ведомости» — единственная тогда газета в Москве. Она печаталась в университетской типографии, создавалась силами университетских профессоров и студентов и продавалась в книжной лавке университета. Вместе с типографией и книжной лавкой университет несколько раз сдавал газету в аренду.

В ноябре 1771 г. работу университетской типографии прервала эпидемия чумы. Как было принято в то время, ее покои вымораживались и окуривались; рабочие были распущены. «С окончанием бедственного 1771 г. чума стала ослабевать, действия типографии возобновились и 3 января 1772 г. вышли «Московские Ведомости», остановившиеся на 22 ноября 1771 года, но древняя столица не прежде как 1 декабря следующего года объявлена была благополучною»¹⁶.

В 1779 г. типография, газета и книжная лавка были отданы в аренду Н.И. Новикову, поэтому в 1782 г. читаем сообщение о том, что «университетская книжная лавка переведена на сих днях в дом г. Новикова, состоящий за Никольскими воротами, у самого Никольского моста, в те покои, где прежде сего была Аптека; почему и раздача Московских Ведомостей будет уже производиться в упомянутой лавке. Равномерно и Типография Университетская отчасти уже переведена в тот же дом»¹⁷.

После прекращения аренды Новикова университетскую типографию отдали «на

откуп» архитектору, помощнику Баженова, Василию Ивановичу Окоорокову, с его родственником Цветушкиным. Поэтому типография и книжная лавка перемещены были от Воскресенских ворот на Тверскую улицу в дом бывшей Межевой канцелярии, который занимал университетский Благородный пансион. С того же времени Вражский Успенский переулочек, идущий с Тверской на Никитскую улицу, стал называться Газетным; потому что в газетной лавке, где впоследствии была церковь университетского Благородного пансиона, раздавались подписчикам московские газеты¹⁸.

Это соседство было неудобно и для типографии, и для Благородного пансиона. Типографские работы, шумные и грязные, мешали пансиону, которому и так не хватало места.

Помещение в Газетном переулочке было слишком тесным и ветхим. В 1811 г. (по другим сведениям в 1809 г.) типография и книжная лавка переведены из Газетного переулочка¹⁹ в дом напротив Страстного бульвара, между Дмитровкой и Петровкой. Новый дом для типографии, каменный, в два этажа, университет приобрел очень выгодно. С.П. Шевырев пишет, что дом, «которого нельзя бы было построить на сто тысяч рублей», был куплен у С.М. Власова за сорок тысяч рублей, да еще с рассрочкой платежа.

С 26 июня 1811 г. «Московские ведомости» и журналы, которые издавались при них, выходили и раздавались по новому адресу, на Страстном бульваре. По этому адресу типография оставалась во время нашествия наполеоновских войск. 31 августа 1812 г. издание «Московских ведомостей» остановилось на №70. Рабочие, набравшие следующий номер газеты утром 2 сентября, получили от фактора Н.Н. Басадаева приказание оставить работу и покинуть типографию. Он заплатил им жалованье за август и аванс за сентябрь. Вечером того же дня мимо типографии уже двигались французские части, и солдаты бросились грабить типографских

чиновников и служителей, которые еще оставались в Москве. «Получив предписание от своего начальства не отлучаться от должностей своих, впредь до повелений, оставались там начальник типографии, его помощник, и редактор Ведомостей с своим помощником. ...Начальник типографии и редактор Ведомостей, спасаясь от пламени и врагов, успели выйти из пылавшей Москвы. Большой корпус сгорел; но уцелели рабочие палаты, по большей части деревянные, где прежде у г. Власова были сараи и конюшни; в них было 24 стана, кассы с буквами, множество бумаги и другие принадлежности. Неприятеля, как у Всеволожского в типографии, так и в университетской, печатали свои прокламации на французском и русском языках, между прочим дело о (мнимых) московских зажигателях, которые расстреляны были близ самой типографии»²⁰.

После ухода из Москвы французов, 23 ноября 1812 года университетская типография возобновила выпуск «Московских Ведомостей», через некоторое время начали выходить и журналы.

Восстановление университета

В сентябре 1812 г. во время французского нашествия пожар уничтожил все здания Московского университета, кроме одного больничного корпуса, погибли учебные корпуса, библиотека, коллекции и лаборатории. В «Московских ведомостях» было опубликовано воззвание с просьбой помочь университету. В первую очередь университет просил помочь книгами. 1058 книг подарил император Александр I, 2766 книг подарила Академия наук. В числе дарителей — многие российские университеты и другие учебные заведения. В 1818 г. была куплена библиотека барона Молля, состоящая из 20.000 томов. В 1822 г. университет получил завещанную профессором Геймом библиотеку, состоящую из 2000 книг. Еже-

годно университет приобретал книг более чем на 1000 рублей.

В августе 1816 г. император Александр I посетил Московский университет. Тогда же было решено восстанавливать Главное здание. Восстановление университета началось в 1817 г. Руководил строительством архитектор Д.И. Жилярди. Он отстроил главный корпус на Моховой, почти полностью восстановив внешний вид и планировку здания, построил корпус типографии на Страстном бульваре, аптеку, здание медицинского факультета. В июле 1819 г. впервые за последние шесть лет университет отмечал окончание учебного года в собственном здании.

В 1821 г. разрешено было построить новый корпус для университетской типографии. На эту цель были взяты 228,5 тыс. руб. из доходов самой типографии. В 1823 г. новый удобный корпус был достроен и освящен. Впервые в университетской типографии было устроено «литографическое заведение». В 1824 г. к типографии пристроили новый каменный флигель для помещения служащих. Из Парижа были выписаны новые матрицы, русские и иностранные шрифты на значительную сумму.²¹

В 1826 г. были открыты для публики: Музей Натуральной истории; библиотека, состоящая из 30.000 книг; Анатомический, Технологический, Физический, Химический и Нумизматический Кабинеты.²²

В 1830-е гг. территория, занимаемая Московским университетом, стала мала. Поэтому в 1832 г. император Николай I распорядился купить для Императорского Московского университета участок с двумя домами по другую сторону Никитской улицы.

Участок входил в состав Опричного двора Ивана Грозного. От Опричного двора осталось небольшое одноэтажное здание с полуподвалом, в котором размещается типография факультета журналистики МГУ. За четыре века «здание ушло в землю», точнее вокруг него вырос большой культурный слой. То, что сейчас выглядит полуподвалом, было первым этажом парадного здания.

В конце XVIII века участок оказался во владении богатой семьи Пашковых. Для них было построено архитектором Баженовым несколько зданий на ул. Моховой, в частности, знаменитый Пашков дом (старое здание Российской государственной библиотеки). Пашков предложил университету участок с недостроенным зданием, но университет счел эту сделку невыгодной: здание требовало перестройки из «бального» в учебное²³. Недостроенным стоял дом Пашковых почти 40 лет. В 1832 г. в нем еще не было окон, дверей и печей. Тогда император Николай I повелел купить его для университета. Этот корпус получил название Аудиторного. Сейчас в нем размещается факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 1833—1837 г. это здание было перестроено архитектором Е.Д. Тюриним под Аудиторный корпус. Исчезли боковые портики первоначального дворца, был разобран бельведер над ним с куполом, утвердилась характерная для ампира лаконичная гладь стен.

В 1833—1837 гг. подвергся перестройке и корпус усадьбы, где располагался манеж, а потом театр (у А. Пашкова). Он был приспособлен для размещения в нем церкви Святой Татьяны. После завершения в 1837 г. внутренней отделки церковь была освящена митрополитом Московским Филаретом, а 22 ноября храм посетил Николай I. Отделка церкви, как и роспись итальянского художника Ланжиготто погибли в советское время.

В результате перестройки вдоль Моховой улицы, по обе стороны Большой Никитской, образовался симметричный ансамбль университетских зданий, перекликающийся со стоящим напротив протяженным фасадом Манежа.

Император Николай I посещал Московский университет несколько раз. Наиболее известный визит состоялся 22 ноября 1837 г. в связи с окончанием перестройки Аудиторного корпуса (бывшего дома Пашкова). Император

посетил «новоосвященный» храм Святой Татьяны, затем Аудиторный корпус, его аудитории, зал, выстроенный для музея. Затем император перешел большую Никитскую улицу в Главный Университетский корпус, «обозрел» столовую и студентов, приветствовал ректора и профессора М.Т. Каченовского, которого знал лично. Из столовой император прошел в комнаты студентов, где «милостиво спрашивал студентов о месте их прежнего воспитания». Осмотрев музей, кабинеты, библиотеку, клиники и акушерский институт, Николай I «изъявил свое удовольствие за найденный порядок и устройство».

Аудиторный корпус тогда же осматривал и наследник престола, будущий император Александр II. Это событие так описано в «Московских ведомостях»: «31 июля Государь Наследник Цесаревич, утром осмотрев Тюремный замок, удостоил высоким своим посещением Императорский Московский Университет, где милостиво изволил разговаривать с Начальником и Профессорами, а после приветствия Студентам долго занимался рассмотрением Музеев и Библиотеки и новых великолепных Аудиторий, недавно оконченных отделкой в купленном у Пашкова доме»²⁴.

Есть еще несколько любопытных упоминаний Аудиторного корпуса в связи с университетскими событиями. В 1851 г. появляются объявления о публичных лекциях, которые будут читать профессора Московского университета С.М. Соловьев, Т.Н. Грановский, К.Ф. Рулье, Р.Г. Гейман, С.П. Шевырев. Они собирались прочитать по три лекции в январе-марте 1851 г. Место чтения лекций — «в новом доме», т.е. в Аудиторном корпусе.

После окончания перестройки в 1835 г. в Аудиторный корпус были переведены все лекции, рассчитанные на большое количество студентов.

В XIX веке в Аудиторном корпусе читали лекции знаменитые профессора историко-филологического и юридического факультетов — Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, С.П. Шевырев, В.О. Ключевский, Н.С. Ти-

хонравов, М.М. Ковалевский. Их слушали Александр Герцен, Константин Аксаков, Вячеслав Иванов. В здании размещались историко-филологический и юридический факультеты и было в обычае историкам слушать лекции знаменитых юристов, а юристам — знаменитых историков. Публичные лекции в этом здании собирали множество московской публики. На верхнем этаже Аудиторного корпуса помещался механический кабинет, переименованный в 1901 г. в Кабинет прикладной механики, который возглавлял Н.Е. Жуковский. На балюстраде около него стояла аэродинамическая труба, одна из первых в мире (она была разрушена в 1941 г.). На втором этаже располагалось старейшее в Европе Математическое общество.

В 1901—1904 (1905) гг. Аудиторный корпус был перестроен архитектором К.М. Быковским. Новый вид приобрел вход в здание, над парадной лестницей вознесся купол стеклянной крыши. Появилась ажурная решетка перед зданием. Центральную часть здания заняла великолепная парадная лестница и три яруса баллюстрад под центральным куполом здания. Тогда же было перестроено здание Научной библиотеки университета с ротондой на углу. В таком виде Аудиторный корпус сохранялся до перестройки после Великой Отечественной войны.

А.А. Кизеветтер в воспоминаниях высоко оценивает перестройку Аудиторного корпуса в начале XX века. «После капитальных перестроек, произведенных в первое десятилетие XX века, так называемый новый университет²⁵ преобразился по своей внешности до полной неузнаваемости. Из него вышло помещение, к которому действительно можно приложить название «храма науки». Эффектная лестница с широкими отлогими

ступенями ведет вас прямо во второй этаж, в красивые, просторные коридоры с изящными колоннами. Превосходные аудитории, расположенные амфитеатром, дают возможность с полным привольем разместить многочисленные курсы, читаемые разными профессорами. Много воздуха и света. Все нарядно, широко, импозантно. Сравнительно с этим великолепием то здание, которое существовало до перестройки... по внешности производило впечатление не храма науки, а скорее казармы. Но эта казарма таила в себе особые чары. Ведь тут от каждого уголка веяло славными историческими воспоминаниями»²⁶.

С 1919 г. в Аудиторном корпусе располагался рабфак МГУ. Затем, в 1920-е гг. в Аудиторном корпусе находился факультет общественных наук, реорганизованный затем в историко-этнологический факультет и факультет права. После переезда естественных факультетов на Ленинские горы Аудиторный корпус заняли экономисты МГУ. Сейчас здесь располагается факультет журналистики.

В годы Великой Отечественной войны здание Аудиторного корпуса пострадало. Особенно сильные разрушения 29 ноября 1941 г. были вызваны падением большой фугасной бомбы рядом со зданием. Взрывной волной были выбиты все окна и двери, сорвана крыша, выбиты стекла из купола. В научной библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова также были выбиты окна и двери и разрушены стеллажи, книги, газеты и журналы валялись кучами по полу²⁷. Взрыв сильно искорежил чугунную решетку перед зданием. В 1942—1943 гг. реставрацией Аудиторного корпуса руководил архитектор С.А. Торопов. Тогда была восстановлена чугунная ограда, отлитая по рисунку Е.Д. Тюрина.

Евграф Тюрин — архитектор «нового» Аудиторного корпуса Московского университета

Софья Тюрин-Митрохина

Статья посвящена биографии архитектора Евграфа Тюрин (1793—1875). В ней подробно рассматривается перестройка Е. Тюриним Аудиторного корпуса Московского университета, а также другие проекты этого архитектора в период восстановления Москвы в 1820-х годах.

Ключевые слова: Аудиторный корпус МГУ им. М.В. Ломоносова, Евграф Тюрин.

Софья Тюрин-Митрохина — декан факультета журналистики университета РАО

К 1830 гг. Московскому университету стало тесно в Главном здании на Моховой. Император Николай I, чтобы расширить учебные площади, купил особняк и землю братьев Пашковых, на пересечении Моховой и Большой Никитской¹. С 1833 по 1836 гг. архитектору Евграфу Тюрину было поручено руководить перестройкой нового здания Московского университета, библиотеки и церкви св. Татьяны при нем.

Усадьба Пашковых, которую он переделывал, занимала обширное пространство между Воздвиженкой и Большой Никитской. У этого участка в центре Москвы своя история. На территории старой усадьбы были аптекарские огороды. Здесь же находилась Главная Аптека. В боковом флигеле, на углу Б. Никитской и Моховой, размещалась когда-то квартира доктора Липольда В 1784—1786 г. В. И. Баженов, по заказу богатого вельможи П. Е. Пашкова, сына денщика Петра Великого, построил неподалёку отсюда роскошный дворец — особняк на углу улиц Моховой и Знаменки². В 1793 г.

П. Е. Пашков приобрел также и здание Главной аптеки, где новый хозяин собирался давать балы и театральные спектакли. Он распорядился возвести на этой земле усадьбу для Дарьи Пашковой: в центре участка должен был расположиться главный усадебный дом, а по бокам — два флигеля. В. И. Баженов использовал для флигелей уже существовавшие постройки, принадлежавшие Главной Медицинской Коллегии, в том числе и Аптекарский флигель. Но строительство затянулось, и А. Н. Пашков, владелец усадьбы, решил устроить в этом флигеле с 1796 г. конный манеж. Однако пожар в центре Москвы 10 апреля 1806 г. полностью уничтожил здание Петровского театра г-на Медокса. Тогда Главная Дирекция Императорских театров арендовала у владельца усадеб на Моховой А. И. Пашкова бывший Аптекарский флигель, (он же — бывший Манеж). Флигель был перестроен для театральных спектаклей, и они шли здесь с перерывами, до 1824 г. Так бывший Пашковский флигель — манеж полюбился москвичам уже в новом театральном качестве. Современник вспоминал в 1820 г.: «...там, где теперь алтарь Университетской церкви, была театральная гардеробная...» В 1817 г. на этой сцене состоялся дебют П. Мочалова, здесь еще студентом играл Денис Фонвизин.

В 1833–1836 гг. Евграф Тюрин перестроил главный корпус усадьбы в Аудиторный корпус, который называли еще и «новым», левый флигель — в библиотеку, а правый, «театральный» — в университетскую церковь св. Татьяны. Архитектор сохранил при переделке фундамент здания, который оказался еще более древним, чем это казалось. Университетский ансамбль, возведенный Е. Тюриним, обрамленный со всех сторон портиками, смотрелся как мощное, монументальное сооружение — симметричное, объемное, соразмерное с окружающей изысканностью богатых построек, с особой сдержанностью Манежной площади, уютом Александровского сада, сединой Кремлев-

ских стен и башен. Обаяние нового Университетского здания заключалось еще и в том, что прежняя изысканная романтичность дворцовых строений московских вельмож Пашковых, размах и светская роскошь композиции и объемов при перестройке, выполненной Е. Д. Тюриним, не исчезли, но обрели уверенность официального учреждения.

Исследователи отмечали особый эффект университетской композиции Тюринна: может быть, «чуть-чуть сухой» но великолепной по сочетанию романтического богатства дворца вельможного с учёной строгостью дворца научного. За эту «дворцовость» архитектора Е. Д. Тюринна и хвалили, и ругали: «Путеводитель по Москве и ее окрестностям за 1903 год» сообщал, что «новый университет... с наружностью старого барского дома». Это весьма тонкое наблюдение другие путеводители определяют как достоинство, называя университетское здание Е. Тюринна «спокойным, сдержанным и уверенным». Такое определение еще раз свидетельствует о том, что архитектор остался верен правилу московского зодчества: сохранять настроение старинных зданий, даже капитально их перестраивая.

Соединительным звеном, удивительным по своей элегантной простоте, для всех университетских корпусов и прилегающих улиц, площадей, для Кремлевских стен и Манежа стала церковь св. Татьяны, при возведении которой Евграф Тюрин использовал основание старого правого флигеля усадьбы Пашковых. Поскольку ещё до перестройки в этом «театральном» флигеле располагался зимний сад, связанный переходом с главной усадьбой, Е. Тюрин счёл возможным оставить основное здание и его флигель по-прежнему соединёнными друг с другом.

Частично сохраняя старый фундамент, на месте бывших ординарных стен правого флигеля архитектор воздвиг изящную полуротонду, украшенную колоннадой. Пространственные объемы здания изменились оно приобрело монументальное настроение

и превратилось в церковное творение. Одинаковость высоты ордера и лепнины объединили церковь с угловой частью старого университета, с библиотекой, а безупречные пропорции полукруглых стен церкви Св. Татьяны создали настроение покоя и легкости в этом насыщенном историческими событиями месте, где гуляла опричнина и бушевали шумные народные сборища.

Е. Д. Тюрин сделал значительные внутренние и внешние переделки, заменил коринфскую колоннаду на строгую и более мощную дорическую, а полуротонду флигеля, которая выходит на Моховую, завершил широким аттиком. Это подчеркивало масштабность сооружения и создавало соответствие между колоннадами библиотеки университета и изысканностью Манежа. Исследователи отмечали прекрасную архитектуру и замечательную орнаментацию этого домового храма Московского университета. Создавая храм Св. Татьяны, Е. Тюрин сохранил второй этаж с его большим залом для Богослужений, а на первом этаже создал малый церковный зал, где также проходили службы. Иконостас с коринфскими колоннами был выполнен по рисунку Е. Д. Тюрина: Ангел Радости и Ангел Скорби, расположенные здесь, справа и слева (работа скульптора И. П. Витали), считаются совершенством русской Православной стилистики. На полукруглой стене церкви с колоннами, в верхней ее части, был установлен крест, икона, а по верхнему полукругу ротонды сделана надпись: «Свет Христов просвещает всех». Работая над созданием университетских корпусов и храма св. Татьяны, Тюрин создавал эскиз за эскизом, они хранятся в ГИМ.

Искусствовед И. Е. Бондаренко отмечает прекрасную архитектуру и замечательную орнаментацию этого домового храма Московского университета. Он называет две иконы работы известного итальянского живописца Рубио: Св. Николы чудотворца и Св. Елизаветы — «украшением Университетской Церкви»².

Храм был также и хранителем старины — сюда передали некоторую утварь из прежней церкви св. Татьяны, открытой еще в Елизаветинские времена. А церковная утварь, перешедшая сюда еще из храма св. Дионисия, стоявшего на месте нынешней арки Ботанического Корпуса Университета, рядом с Зоологическим музеем, была в своё время вынесена настоятелем церкви иеромонахом Ионой. В 1820 г. церковь переосвятили во имя св. Татьяны. Потом, когда Е. Тюрин выстроил свой храм св. Татьяны, старинная утварь перешла и сюда³.

В 1919 г. церковь Св. Татьяны была разрушена. А ведь в стенах отпевали Н. В. Голя, А. А. Фета, В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, Т. Н. Грановского, А. Г. Столетова, здесь крестили Марину Цветаеву и ее сестру Анастасию. Разрушив храм, власти устроили здесь сначала читальный зал Юридического факультета, но в 1922 г. открыли клуб. На сцене клуба В. В. Маяковский в 1927 г. читал свою поэму «Хорошо», а в начале 1960 гг. прошел вечер памяти В. Э. Мейерхольда. Здесь в 1958 г. Р. Быков открыл Студенческий театр блестящей постановкой пьесы П. Когоута «Такая любовь», и старейшая актриса двадцатого века А. Яблочкина перерезала ленточку, благословляя новую театральную молодежь. В 1962 г. М. Захаров поставил на этой сцене пьесу Е. Шварца «Дракон», и автор этих строк играла в этом спектакле Эльзу. В январе 1995 г. храм был передан русской церкви, начато его восстановление: были найдены чертежи, сделанные Е. Тюриним, и церкви Св. Татьяны был возвращен ее исторический облик.

Университетскую чугунную ограду Евраграф Тюрин проектировал тоже в согласии с новыми эстетическими идеями века: многие современники считали ее даже излишне простой. Университетская ограда была выполнена по рисункам самого архитектора и установлена в 1838–1839 гг.⁴ Факелы и светильники на решетках ограды — символы знаний. На пилонах ворот были размещены

ЗНАНИЕ — СИЛА

«земной» и «небесный» глобусы (но с левых ворот они исчезли во время Великой Отечественной войны). Евграф Тюрин — сын своего времени: он безвозмездно работал над созданием «нового» Аудиторного корпуса Университета, библиотеки и церкви св. Татьяны при нем, в построении Храма Христа Спасителя.

Перестройка университетских зданий — не единственная известная работа Евграфа Тюрина, но сама судьба его полна загадок. Как и многим из его поколения зодчих, ему было предназначено восстанавливать Москву, ее храмы и ее дворцы после пожара 1812-го года. Тюрин учился у Доменико Жилярди, выполнял под его началом некоторые работы и преклонялся перед своим учителем. Наиболее заметные работы Е. Тюрин — кафедральный Богоявленский собор на Елоховской площади, Александринский дворец (летняя резиденция Александра I, ныне Президиум Академии Наук), дом №5 на Знаменке (ныне картинная галерея А. Шилова).

В 1816 г. Е. Тюрин закончил свою часть работы по реконструкции Большого Кремлевского Дворца (руководил И. Л. Мироновский). Это была спешная работа к приезду в Москву Александра I. После завершения временных работ он был приглашен участвовать в капитальном восстановлении Дворца по проекту В. П. Стасова. За эту работу Тюрин получил свою первую награду — бриллиантовый перстень.

В 1826 г. Е. Тюрину было дано почетное задание — оформить праздник торжественной коронации Николая I и народных гуляний по этому поводу. Архитектор сделал «Проекты павильонов, фонтанов и пр.»⁵, их возвели на Девичьем поле, неподалеку от Новодевичьего монастыря. В награду

за успешную работу по проектированию и оформлению Коронационных гуляний Е. Тюрин получил еще один бриллиантовый перстень и коронационную медаль. И одновременно — опалу за участие братьев Даниила и Николая в нашумевшем тогда «деле братьев Критских»⁶. Он остался почти без заработков, его отстранили от выполнения значительных заказов. Поэтому-то архитектор и не имел средств продолжить строительство собственного дома, ныне дом на Знаменке, 5. Е. Тюрин продал дом-мечту, где хотел расположить публичную галерею. В 1998 г. это здание было передано художнику А. Шилу для размещения галереи его картин.

Кафедральный Собор Богоявления в Елохове Е. Тюрин возводил в 1835–1845 гг., на месте одноименной церкви XVIII века. В небольшой церковке, стоявшей ранее на этом месте, в 1799 году крестили А. С. Пушкина. Постройка Храма Богоявления в Елохове относится к 1837–1845 гг. Так датировал работу архитектора исследователь В. В. Згура⁷, который нашел в 1923 г. в самом Храме чертежи, подписанные автором. Он видел в Елоховской церкви «идеологически последний архитектурный памятник великой художественной эпохи — русского ампира»⁸.

Евграф Тюрин, как точно выразился П. Н. Миллер, был «замечательным москвичом», он много делал для Москвы и для страны. Страстный коллекционер, Евграф Дмитриевич предложил в дар городу безвозмездно свою драгоценную коллекцию живописи (около 415 картин) и декоративного прикладного искусства. Свою деятельную любовь к Москве архитектор, гравер, коллекционер Евграф Дмитриевич Тюрин доказал всей своей жизнью

Автор благодарит известного москвовед С. К. Романюка и режиссера Елену Тюрину-Троянову за помощь в поисках библиографического материала по данной теме.

Abstracts

Academia

Yassen N. Zassoursky

Moscow University Educates Creators and Inventors

In his interview the dean of the Faculty of Journalism, Moscow State University, discusses the role of young researchers in the activity of the University, underlines the significance of the fundamental science for the development of the higher education and points to the positive experience cumulated through the secondary education system in Russia.

Key words: Moscow State University, young researchers, fundamental science, faculty

Boris Yesin

M.V. Lomonosov in the Tradition of the Moscow State University

The article reviews researches devoted to Lomonosov's role in the sphere of language, oratorical art and linguistics done by professors and scholars of the Moscow State University since the XVIIIth Century.

Key words: M.V.Lomonosov, Moscow State University, Russian language

Elisaveticus Universitetas

Section prepared by Oleg Bakoulin

"Students' stories" of the Moscow University: Origins of the XIXth Century Free-thinking

The complex of documents includes mainly materials describing the epoch of Alexander III and devoted to the students' movements opposite to the political system.

Key words: Moscow University, students, free-thinking, opposition, Russia.

Students of the Moscow University and Authorities: on the History of the XXth Century Dissidence

The documents devoted to the students' opposition to the regime are published below. The complex of documents includes mainly materials belonging to the Stalin's last decade and years of Khrushchev's governing.

Key words: students, free-thinking, opposition, power, Moscow university.

«Gaudeamus igitur»

Contemporaries about Manners of Students of the Imperial Moscow University in the XIXth Century

Contemporaries have always noticed special boldness of the Moscow University's students and their skills to play jokes. The complex of documents below reproduces unique atmosphere of Tatiana's day – the most popular holiday of Moscow students.

Key words: Moscow university, students, high-spirits, St. Tatiana's day, Moscow, holiday.

Mass Media in Russia

Anton Bakountsev

Unexpected Conflict. Nikolay Novikov and Commission of Public Colleges. On the History of Contra Faction Activities in Russia

Protection of intellectual property rights is one of the most significant problems nowadays that makes a wide public impact. However it has not emerged recently. The article is devoted to a dramatic episode in the history of forming the institution of exclusive rights on literature works in the XVIIIth century in Russia.

Key words: N.I. Novikov, Commission on People's Schools, contra faction, publishing privilege, infringement of copyrights

Oleg Bakoulin

M.M. Kheraskov: Some Features of the First Censor of the Moscow University

The article is devoted to activities of Mikhail M. Kheraskov, the first censor and director of the Moscow University, well known poet and publisher, who insisted on introducing Russian as the official University language and took an active part in the Moscow University's life.

Key words: Mikhail Kheraskov, Catherine the Great, Nikolay Novikov, Moscow University, censorship, printing house, «Rossiada».

Olga Boychuk

Chekhov and Suvorin. Sincere Friendship or Personal Benefit?

The author analyses relationship between A.P. Chekhov and A.S. Suvorin. Their activities are examined considering both biographic details of personal character and features of public, political and cultural life in Russia in the XIX and XX centuries.

Key words: Anton Chekhov, A.S. Suvorin, "Novoye vremya", publisher.

Svetlana Lebedeva

Newspapers from S.D. Poltoratskiy's Collection as Kept by the Scientific Library of the Moscow State University

The article is devoted to the biography of a well-known Russian bibliophile of the XIXth century S.D. Poltoratskiy, as well as to his collection of newspapers from funds of the MSU Scientific library.

Key words: "Moskovskiye vedomosti", "Sankt-Peterburgskiye vedomosti", S.D. Poltoratskiy's collection, MSU Scientific library.

The First Issue of the First Newspaper Published by the Imperial Moscow University

The full text of the "Moskovskiye vedomosti" newspaper first issue (26th of April, 1756) is presented below with comments and inquiry to the edition.

Key words: "Moskovskiye vedomosti", the Imperial Moscow University, 250th anniversary of the Moscow State University.

Power of knowledge

Olga Minaeva

On the History of University's Buildings

The article examines the history of buildings, which are owned by the Moscow University: the Main building and Auditoria building on Mokhovaya street, and some others.

Key words: University's buildings, Mokhovaya street, old Main building, House of Repnin, Auditoria building, Moscow University printing house.

Sofia Tyurina-Mitrokhina

Evgraph Tyurin, the Architect of the New Auditoria Building of the Moscow University

The articles presents the biography of an architect Evgraph Tyurin (1793 – 1875). The author examines in details the rebuilding of the new "Auditoria" University building by E. Tyurin, as well as other projects of this architect in a period of "post-fire" Moscow reconstruction in 1820s.

Key words: the history of M.V. Lomonosov MSU Auditoria building, architect Evgraph Tyurin.